

раздел второй

Раздел второй

Современные словари

Из наблюдений над русскими словарями 90-х годов (лексикографические заметки)¹⁶

В 90-е годы в русских лексикографических изданиях типа “толковых словарей” явственно прослеживается ряд тенденций как в выборе объектов (лексических, лексико-фразеологических массивов) словарного описания, так и в самих “задачах и принципах словаря”, в направлении, акцентах, характере презентации словарных единиц.

С точки зрения “тематической” определились: 1) словари жаргонизмов. В 90-е годы вышла целая серия таких словарей – от изданного в 1991 г. узкопрофессионально направленного “Толкового словаря уголовных жаргонов” под общей редакцией Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова (М., 1991) до “Словаря московского арга” В.С. Елистратова, издание второе, переработанное и расширенное; 2) словари бранной, обценной лексики. Среди таких словарей можно назвать профессионально лингвистически выполненные словари: Василий Буй “Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений)”, М., 1995, сост. А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, “Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценнизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями)”, сост. В.М. Мокиенко (Berlin, 1995); 3) словари иностранных слов. Наряду с большим количеством словарно-справочных изданий по разным специальностям, конечно, выделяются серьезные лексикографические издания типа “Современный словарь иностранных слов”, М., 1992; Комлев Н.Г. “Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием)”, М., 1995; Крысин Л.П. “Толковый словарь иноязычных слов”, М., 1998; 4) словари лингвокультурологического содержания. Среди такого рода изданий назовем “Словарь к пьесам Островского”, сост. Н.С. Ашукиным, С.И. Ожеговым, В.А. Филипповым (М., 1993), подготовленный к печати еще в 1948 г.; Рогожникова Р.П., Карская Т.С. “Школьный словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв.”, М., 1996, словари Ю.А. Федосюка “Язык старой Москвы. Опыт лингвокультурологического словаря”, (М., 1998), “Что непонятого у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века”, 2 изд., М., 1999, Елистратов В.С. “Словарь крылатых слов (русский кинематограф)”, М., 1999.

Что касается словарей жаргонизмов, то такие издания выходили и раньше – в России и за рубежом. Так, еще до революции были изданы: Бец Ванька “Босаяцкий словарь”, Одесса, 1903; Попов В.М. “Словарь воровского и арестантского языка”, Киев, 1912; Трахтенберг В.

“Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)”, Спб, 1908, а в советское время МВД периодически издает словари криминальных аргю для ведомственного пользования – см., например: Потапов С.М. “Словарь жаргона преступников”, М., 1927, Никоноров М. “Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом”, М., 1978. За рубежом словари жаргонной лексики появлялись в 60-е годы (см. Крестинские М.М. и М.П. “Краткий словарь современного русского жаргона в СССР”, Франкфурт-на-Майне, 1965), в 80-е гг. (Скичинский А. “Словарь блатного жаргона в СССР”, New York, 1982, Козловский В. “Собрание русских воровских словарей в четырех томах”, т. 1–4, New York, 1983).

Общенная же лексика подвергалась лексикографическому описанию за рубежом в 70–80-е годы – см. Dictionary of Russian Obscenities, Cambridge, 1971, Drummond D.A., Perkins G. Dictionary of Russian Obscenities, 3 ed., Oakland, 1987, эпизодически – в весьма некалфицированно составленном словаре А. Флегона “За пределами русских словарей”, London, 1973.

Вместе с тем столь пристальное внимание в 90-е годы к названным лексико-фразеологическим пластам имеет особые основания культурно-исторического и лингвокультурологического характера. Активизация в современной русской речевой коммуникации периферийной лексики и фразеологии, иноязычных неосвоенных заимствований (в основном, англизмов), известная актуализация архаизированной лексики и некоторых фрагментов пассивного словаря обусловлены теми изменениями, которые произошли в условиях социального (социокультурного) существования русского литературного языка под влиянием мощных экстралингвистических импульсов: распада Советского Союза и ситуации, порожденной этим социально-экономическим катаклизмом в общественно-политической, духовной, культурной, хозяйственной жизни постсоветской России.

Повышенный интерес лексикографии к периферийной лексике и фразеологии, к иноязычным заимствованиям находит опору в тех реальных процессах, которые наблюдаются в современной речевой коммуникации последних 15–18 лет. Имеются в виду прежде всего необычайная экспансия в обиходно-разговорную речь городского населения, в общелитературный речевой обиход носителей литературного языка, в традиционные сферы речевого общения былого монопольного преобладания книжной речи, с одной стороны, ненормированной речевой стихии, главным образом, жаргонизмов, с другой стороны,

– новых иноязычных заимствований, неосвоенных литературным языком.

А в связи с наблюдаемой, особенно в 90-е годы, общей тенденцией к огрублению речи (эта тенденция находит свое выражение не только в речи рядовых носителей русского языка, в том числе литературного, но и в политическом дискурсе – в публичных выступлениях политиков, депутатов и государственных чиновников разных уровней, и в текстах СМИ, и в литературно-художественных текстах постмодернистского толка), происходит детабуизация грубоинвективной лексики и фразеологии, активизируется и расширяется ее употребление в литературных текстах – от обиходно-бытовой разговорной речи носителей литературного языка до текстов СМИ и книжно-письменных жанров.

Симптоматичным показателем огрубления общелитературного речевого обихода может служить регистрация толковыми словарями русского литературного языка, отражающими его состояние в 90-е годы, таких слов, как блядь, говно, жопа, закономерен “интерес” словарников к сфере лексики и фразеологии бранной, инвективной, в том числе – обценной. Неслучайно в связи с этим издание переводного многоязычного словаря непристойностей – см. “Международный словарь непристойностей. Путеводитель по скабрёзным словам и непристойным выражениям в русском, итальянском, французском, немецком, испанском, английском языках”, М., 1992.

Актуальность словарей иностранных слов понятна. Она обусловлена тем, что в русской речевой коммуникации середины 80–90-х гг., прежде всего в СМИ, включая рекламу, в журнальной прозе, вообще – в литературных текстах (особенно на темы рыночной экономики, финансово-коммерческой деятельности, научно-технического прогресса, экологии, культуры, спорта и т.д.) наблюдается широкое, по преимуществу а) коммуникативно немотивированное использование иноязычных заимствований – в основном, англизмов американского “извода”, б) возврат к прежним, “забытым” контекстам употребления давних заимствований (главным образом финансово-коммерческого назначения, сложившихся к первой четверти XX в.), в) расширение сферы использования специальных терминов, в большинстве своем – иноязычных, из того же тематического разряда; немало таких слов при этом изменяет свои коннотации, экспрессивные свойства, сочетательные возможности и т. п.

Естественно, в русском постсоветском обществе возникла настоятельная необходимость в словарях иностранных слов, максимально

рассчитанных на тех, кто занят в бизнесе, политике, занимается вопросами экономики, связан с работой над текстом в научных, специальных изданиях, в рекламе, в СМИ.

Почва же для словарей культурологического содержания самая благодатная. Она – в громадном искреннем интересе русских людей к своей национальной культуре во всех ее проявлениях, к истории России.

С точки зрения принципов лексикографической презентации русской лексики (и фразеологии) можно говорить о двух основных тенденциях, прослеживаемых в современных русских словарях.

Речь идет, во-первых, о поисках такого описания словарной единицы (слова, фразеологического выражения), в результате которого не только выяснялась бы ее смысловая структура (на что ориентированы в своем большинстве толковые словари), но и объемно предстала бы картина “жизни слова” в современной речевой коммуникации, т. е. сфера употребления слова в максимально возможных в лексикографическом издании его (употребления) аспектах.

Во-вторых, речь идет о выработке таких принципов и методики описания лексикографическими средствами системной организации русской литературной лексики, реализация которых дала бы действительную картину исторически сложившихся в словарном составе русского литературного языка системных отношений, связей, представленных в тексте толкового словаря определенно, четко, последовательно и непротиворечиво.

Лексикографов уже давно не удовлетворяет во многом регистрационное (если так можно его назвать), “плоскостное” описание словарных единиц, при котором главное внимание уделяется их семантике (при этом даются самые общие сведения о грамматических свойствах заголовочного слова (ЗС) или его отдельного значения). Употребление же слова, сложившееся в русском литературном языке, в современной периоду составления толкового словаря коммуникации, представлено очень скупо, непоследовательно и часто неточно.

Если о стилистической характеристике ЗС (функционально-речевой в самом общем виде, подробнее – экспрессивной, особенно как в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова) еще можно составить более или менее отчетливое представление, то валентностные возможности описываемого слова практически не выявляются (во всяком случае, для рядового, массового потребителя толкового слова они не очевидны) или даны фрагментарно (см. “заромбовую” зону словарной статьи) и не полностью (в речениях и цитатах), очень часто вне исторической

перспективы употребления словарной единицы (что отмечал В.В. Виноградов в некоторых толковых словарях первой половины XX в. – см. Виноградов, 1966). Это обусловлено, с одной стороны, тем, что в структуре словарной статьи нет соответствующей “зоны”, а с другой, – речения и цитаты, в которых должны бы быть отражены основные линии, направления сочетаемости ЗС, типические контексты его употребления, нацелены преимущественно на выяснение семантики словарной единицы. Целенаправленности же в подборе иллюстраций в зоне толкования ЗС для выяснения его сочетательных связей (за исключением, пожалуй, “Толкового словаря русского языка” под ред. Ушакова), как правило, не наблюдается.

Нужно сказать, что повышенное внимание к сочетательным возможностям слова в отечественной лексикографии проявилось еще в конце 60-х годов, в ортологических словарях. Именно в словарях, выяснявших различия в семантике и синтагматике паронимов – однокоренных слов. Наиболее полно и последовательно лексикографические способы описания аспектов употребления словарных единиц были представлены в словаре-справочнике Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой “Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка” (М., 1968), а также в расширенном и переработанном варианте этого словаря-справочника – в “Словаре паронимов русского языка”, изданного в 1994г.¹⁷

Обработку слова в толковом словаре, ориентированную на отражение широкой сферы его употребления, максимально возможных аспектов использования словарной единицы в речевой коммуникации или в каком-либо коммуникативно значимом ее фрагменте находим в “Стилистическом словаре публицистики” Г.Я. Солганика, М., 1997 (об этом словаре – см. наст. изд., с. 117–119).

Новаторский по идее разработки толковых словарей основных функциональных вариантов современного русского литературного языка (“стилистических словарей”, по терминологии Г.Я. Солганика – см. Бельчиков, Солганик, 1997, с. 46), данный словарь наиболее последовательно отражает и выражает одну из ведущих тенденций современной отечественной лексикографии, состоящей в ориентации на употребление слова, на речь (такая тенденция – одна из основных и в западно-европейской лексикографии – см. Гак, 1987, с. 6–7, 14). “Задачей стилистического словаря публицистики является представить слово в его реальном функционировании, в богатстве синтагматических связей, зафиксировать все (по возможности) речевые контексты употребления слова – прежде всего типизированные, затем менее и слабо

типизированные; продемонстрировать сочетаемость – лексическую, фразеологическую, синтаксическую” (Солганик, 1997, с. 3).

Примечательным событием современной русской лексикографии является “толковый словарь русского общего жаргона” О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной, под общим руководством Р.И. Розиной, вышедший в свет под нетрадиционным названием “Слова, с которыми мы все встречались” (М., 1999).

Во-первых, этот словарь посвящен, как видно из его “второго названия”, жаргонной лексике, т. е. он “вписывается” в актуальную тематику словарей 90-х годов. Во-вторых, в описании словарных единиц (в этом словаре) последовательно выясняются важнейшие аспекты употребления слова в современной литературной речи (и частично в речи жаргонной – см. зону словарной статьи “происхождение”). Таким образом, данный словарь находится “в русле” основных тенденций современной русской лексикографии.

Что касается отражения жаргонной лексики, то в этом плане данный словарь занимает особую позицию среди словарей жаргонизмов.

Как подчеркивают авторы, их интересуют не речевые единицы “жаргонов... социальных, в частности криминальных, и профессиональных групп” (Ермакова, Земская, Розина, 1999, с. IV), а тот пласт жаргонной лексики, который сейчас включен в сферу активного употребления как в средствах массовой коммуникации, так и в непринужденном речевом общении жителей (в том числе образованных) современного большого города (Земская, Розина, 1994, с. 100). Такой пласт лексики они называют “общий жаргон”. Признаком принадлежности лексических единиц к общему жаргону считается “употребление этих слов в прессе, ориентированной на широкую аудиторию” (Ермакова, Земская, Розина, 1999, с. IV). Этот же признак – обязательное условие регистрации таких слов (и фразеологических оборотов) в “толковом словаре русского общего жаргона”.

Появление в самом конце 90-х гг. словаря, корпус которого составляет таким образом отобранная жаргонная лексика, весьма симптоматично. Как уже отмечалось (см. с. 45 наст. изд.), сам факт издания такого словаря – свидетельство результативности освоения литературным языком процессов новых речевых явлений – “пришельцев” из народно-разговорного языка и из других языковых систем. Эти процессы обусловлены активным отношением литературных норм к таким речевым фактам, в данном случае – к наплыву элементов жаргонной речи в русский литературный язык 90-х гг.,

активным воздействием норм, главным образом – стилистических, на эти речевые элементы.

Попадая в контексты и ситуации литературной речи, письменной и устной, оставшиеся в ее рамках слова и фразеологические обороты ненормированной (в нашем случае – жаргонной) речи семантически “обслаиваются” (как говорил В.В. Виноградов), приобретают новые осмысления, новые синтагматические связи (в основном – модифицированные), вступают в парадигматические отношения с единицами литературного языка, в конце концов “отрываются” от их “родной” социокультурной среды и дискурса соответствующего жаргона, сохраняя вместе с тем семантическое, коннотативное, экспрессивно-стилистическое своеобразие, необычность, “свежесть” номинаций и оценок “породившей” их среды на фоне традиционной литературной лексики (что, собственно, и привлекает в них носителя литературного языка).

Естественно стремление авторов Словаря дать как можно более дифференцированное описание словарных единиц, выяснив не только их семантическое и экспрессивно-оценочное своеобразие – в отличие от соответствующих литературных параллелей, но и отличительные черты (это особо следует подчеркнуть) лексико-грамматической дистрибуции ЗС (в первую очередь его лексических связей), а также отношения с синонимами и антонимами в рамках литературного языка и общего жаргона.

Задачам детального описания системных и функционально-речевых характеристик словарных единиц служит продуманная, целесообразно организованная структура словарной статьи. Она состоит из следующих зон: ЗС; грамматические пометы и комментариев, “Частотность”, “Употребление”, “Значение”, “Коннотации”, “Сочетаемость”, иллюстрации, парадигматические связи, “Гнездо” (словообразовательное), “Происхождение”. Как видим, словарная статья предполагает характеристику важнейших аспектов функционирования ЗС в современной русской речевой коммуникации.

Итак, рассматриваемый словарь дифференцированно описывает единицы общего жаргона, выясняя, подчеркивая как их семантическое своеобразие (одной из задач Словаря было “отразить в словарной статье жаргонного слова специфику его семантики по сравнению с семантикой слова литературного языка” – Земская, Розина, 1994, с. 100), так и особенности употребления единиц описания в литературных текстах (в текстах СМИ) в таких его существенных аспектах, как частотность, социокультурная среда, в которой возникло данное слово, те коннотации и экспрессивно-эмоциональные оттенки, которые оно

приобрело в “родной среде обитания”, основные парадигматические связи ЗС с лексемами литературного языка и общего жаргона.

Вместе с тем в Словаре дана столь же детальная характеристика общего жаргона как известной функциональной категории современной русской речевой коммуникации, присущей ему семантики, лексико-грамматической дистрибуции, основных парадигматических связей.

Факт устойчивого функционирования в текстах СМИ, т. е. в литературных текстах, дает все основания квалифицировать общий жаргон как составную часть литературного просторечия (в понимании этого термина, предложенного Ю.С. Сорокиным. Литературное просторечие рассматривается им как категория литературного языка. Это “обширный разряд... слов, представляющих единую стилистическую группу... особых по своим экспрессивным стилистическим признакам (сниженность, резкость, фамильярность и т. п.), но допустимых (и даже охотно привлекаемых) в разных стилях речи и являющихся в различных тесных сочетаниях со словами собственно книжного, литературного языка” – Сорокин, 1965, с. 24).

В данном Словаре по существу собран и описан фрагмент современного литературного просторечия. Это важно отметить потому, что тем самым объективно подтверждаются тесные связи – особенно в наше время – литературного языка с народно-разговорной речью, в частности, с городским просторечием.

Обоснованность вывода относительно отражения литературного просторечия, в одном из его фрагментов, в Словаре становится очевидной при сопоставлении рассматриваемого Словаря с “Толковым словарем русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ОШ, 4 изд., доп., М., 1997): почти четвертая часть (более 23%) словарных единиц словаря общего жаргона зафиксирована в упомянутом “Толковом словаре”. И вполне закономерно, что практически все такие словарные единицы (за небольшим исключением) сопровождаются в ОШ пометой “прост.”.

“Толковый словарь русского общего жаргона” – первый опыт лексикографического описания монографического характера лексико-фразеологических единиц внелитературной сферы (именно единиц общего жаргона), принятых с известными ограничениями в речевой коммуникации носителей литературного языка.

Конечно, в русской лексикографии есть издания, в которых описываются лексико-фразеологические единицы внелитературной сферы с опорой на литературные тексты. Однако в таких словарях ненормированная лексика и фразеология представлена в очень ограниченных

функционально-стилевых рамках – только те единицы, которые фигурируют в текстах одного автора. См., например: Марканова Ф.А. “Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии”, составленный по Собранию сочинений И.С. Тургенева, Ташкент, 1968; ср. упомянутый в начале статьи “Словарь к пьесам А.Н. Островского”, в котором, наряду с другими, помещены лексико-фразеологические единицы городского просторечия середины – второй половины XIX в., включенные драматургом в свои пьесы. К тому же эти и подобные издания констатируют лишь наличие соответствующих слов и фразеологизмов – без подробной лексикографической разработки, – ограничиваясь их “переводом” на литературный язык и цитатами из “титulyного” автора.

Что касается лексикографической презентации системной организации лексического состава русского литературного языка, последовательно и исчерпывающе проведенной, к тому же – наглядно представленной в словарном тексте, то до последнего времени такая задача казалась невыполнимой. Толковые словари давали представление лишь об отдельных элементах или “участках” описываемой лексической системы, и то фрагментарное.

В 1998 г. опубликован первый том “Русского семантического словаря” (РСС) под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. Этот том (как и все научное предприятие – РСС включает в себя шесть томов, предполагаются сводные указатели и электронная версия) Словаря – первый опыт лексикографического описания лексики литературного языка на материале словесного состава (термин авторов РСС) современного русского литературного языка. Русский литературный язык, таким образом, стал первым из современных литературных языков, лексический состав которого (корпус РСС составляет 300000 словарных единиц) получает непротиворечивое описание лексических единиц, организованных в целостную систему (согласно принятой авторским коллективом РСС концепции – см. дальше) взаимообусловленных (по принципу ступенчатой инклюзии) классификационных классов – лексических множеств и подмножеств. Эта лексическая система эксплицитно представлена в Словаре.

РСС составлен в соответствии с концепцией относительно системной организации словесного состава русского литературного языка, предложенной Н.Ю. Шведовой. Основные тезисы данной концепции: 1) “словесный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему” (РСС, с. VII – о свойствах такой системы см. Шведова, 1988, с.

153–155); 2) “лексический и грамматический строй языка составляют единое целое” (Шведова, 1996, с. 221); 3) словарный состав языка образует систему внутренне организованных множеств – классов слов и лексических значений, репрезентируемых лексическим древом (центральная фундаментальная категория лексикографической презентации); 4) в основу систематизации словесного материала положено учение В.В. Виноградова о частях речи. “В основе концепции “Русского семантического словаря” лежит тезис, согласно которому данное самим языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики” (РСС, с. VII – “Предисловие”).

Эти основополагающие тезисы послужили теоретической базой для построения иерархической многоступенчатой классификации русской литературной лексики, в которой полноценно выявляется системная организация словесного состава.

Системная организация словесного состава языка прослеживается в РСС в рамках определенного лексического множества, между единицами иерархически взаимосвязанных множеств и самими этими множествами.

Задавшись целью доказать и показать, выявить системность в организации русской литературной лексики, авторы Словаря приняли и последовательно проводят общее направление семантизации единицы описания в рамках выделяемых подмножеств, при котором толкование ориентировано на общую сему, объединяющую единицы вычлененного множества, и на выявление индивидуального отличия (при общей смысловой, семантической основе) описываемого словозначения от других в данном множестве, в данном лексико-семантическом ряду. Особенно четко такой способ, прием семантизации ЗС реализуется в описании лексических группировок, объединяющих словозначения денотативного характера (например, в тех, которые обозначают неживые предметы и животных).

“Вертикальные” лексико-семантические связи словарных единиц выясняются, с одной стороны, через схемы лексических множеств и подмножеств, сопровождающие собственно лексикографическое описание словарных единиц; с другой стороны, благодаря последовательно проводимых в дефинициях толкования словарных единиц известного множества однотипных формулировок, в частности – использования “ключевых, или опорных слов”, указывающих на принадлежность описываемой единицы к иерархически “высшему” лексическому множеству (см., например, характер толкования словарных единиц в

разделе “Названия растений и других растительных организмов”) или подчеркивающих, выявляющих общую сему данного лексического множества (см. раздел Словаря “Названия лиц”). Такие связи обнаруживаются и в словообразовательных зонах словарных статей.

Детальное рассмотрение основных аспектов лексикографического описания в РСС потребует специального анализа. РСС предстает как толковый словарь нового типа, в котором, наряду с подробным описанием семантической стороны слова, объемным представлением его функционально-речевых свойств, места в стилистической стратификации конкретного литературного языка, выявляется последовательно и непротиворечиво системная организация словесного состава языка.

Как видим, в этом Словаре нашли реализацию обе из названных тенденций в принципах и способах лексикографической презентации, характерных для современного состояния отечественной лексикографии.

Литература

Бельчиков, Солганик, 1997 – Бельчиков Ю.А., Солганик Г.Я. О лексикографических изданиях адресной направленности//Облик слова. Сб. статей. М., 1997.

Гак, 1987 – Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация (в связи с выходом в свет второго издания словаря “Большой Робер”)//Вопросы языкознания. 1987, № 2.

Солганик, 1997 – Солганик Г.Я. Стилистический словарь публицистики. Около 6000 слов и выражений. М., 1997.

Ермакова, Земская, Розина, 1999 – Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Земская, Розина, 1994 – Земская Е.А., Розина Р.И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей.//Русистика/Russistik, 1994, № 1–2.

Сорокин, 1965 – Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.–Л., 1965.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый систематизированный по классам слов и значений, под общей ред. академика Н.Ю. Шведовой, Т. 1, М., 1998.

Шведова, 1988 – Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре.//Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988

Шведова, 1996 – Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь (Опыт описания лексики как системы)//Вестник РНГФ. 1996, № 1.

Виноградов, 1966–Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания//Вопросы языкознания, 1966, № 6.

Русский семантический словарь¹⁸

(Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей редакцией акад. Н.Ю. Шведовой [в 6 томах]. – Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). 39000 слов и фразеологических выражений. – М. – “Азбуковник”, 1998. – РСС).

В “Русском семантическом словаре” представлен принципиально иной подход к презентации и описанию лексикографическими средствами лексики конкретного языка – на материале современного русского литературного языка. Описание это предпринято с позиций концепции системной организации словарного состава русского языка, предложенной акад. Н.Ю. Шведовой и разрабатываемой ею вместе с коллективом сотрудников на протяжении 20 лет в виде статей, монографических и диссертационных исследований и наконец в качестве готового продукта – первого из шести томов “Русского семантического словаря”, в котором находит репрезентативное воплощение систематика словарного состава современного русского литературного языка по лексико-семантическим множествам.

Данная концепция, основывающаяся на функционально-семантических идеях Л.В. Щербы и В.В. Виноградова, на их теоретических представлениях о лексическом и грамматическом строе языка как неразрывном единстве, – цельная по общей, генеральной идее, целостная и непротиворечивая по своему внутреннему строению.

Анализ данной концепции, предполагающей широкие методологические обобщения в области теории языка, – предмет специального обсуждения. Начало этому обсуждению по существу положено Н.Ю. Шведовой, раскрывающей общетеоретическую значимость как самой концепции, так и результатов лексикографического описания в РСС (в соответствии с ней) словесного состава конкретного языка. Впервые в истории лексикографии толковый словарь литературного языка становится аналитической базой (методологически и исторически выверенной) принципиальных обобщений относительно сущностной характеристики

частей речи, прежде всего – местоимений и глагола, открытия, выяснения их новых структурных и функциональных свойств (см. Шведова, 1999, с. 9–13), а также для определения языковой картины мира как созданного языком изображения самого этого мира (см. Шведова, 1999, с. 14–15).

Эта концепция получила в рассматриваемом, первом, томе, наряду с полноценной лексикографической реализацией, убедительное доказательство своей продуктивности, несомненной познавательной способности в научном анализе сложного, многоаспектного объекта исследования, именно – подтверждение адекватности главных, исходных принципов описания лексической системы современного литературного языка действительным свойствам русских лексических единиц, связям и соотношениям, присущим организации словарного состава в современном русском литературном языке.

Все же для рассмотрения задач РСС, принципов его построения, словника, оснований распределения словарных единиц по макро- и микрогруппировкам, подходов к семантизации заголовочных слов, задач и структуры словарной статьи, в том числе – системы помет, представления фразеологии, т. е. объема параметров слова как языковой единицы, отражаемых РСС, необходимо дать самое общее представление о лексикологической и лексикографической концепции Н.Ю. Шведовой (в аспектах данного словаря).

В своих лексикографических воззрениях Н.Ю. Шведова и объединяемый ею в работе над РСС коллектив сотрудников исходят из 1) основополагающего тезиса, “согласно которому словесный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему...” (с. VII) (о свойствах такой системы – см. Шведова, 1988, с. 153–155). 2) основополагающим является и положение о том, что “лексический и грамматический строй языка составляют единое целое” (Шведова, 1996, с. 221). 3) Весь словесный состав представляет собой систему внутренне организованных множеств – классов слов и лексических значений, репрезентируемых лексическим древом (центральная, фундаментальная категория лексикографического описания). 4) В основе систематизации словесного материала лежит система частей речи, понимаемая в духе грамматического о слове В.В. Виноградова как одна “из высших ступеней обобщения отношений между грамматическими законами и словесным составом языка” (там же). “В основе концепции “Русского семантического словаря”, – читаем в “Предисловии” тома I, – лежит

тезис, согласно которому данное самим языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики: абстрактное значение части речи, выраженное в грамматических категориях и формах, представляет собой высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и ее образуют” (с. VII). 5) Опираясь на эти фундаментальные тезисы, Н.Ю. Шведова выдвигает центральные для своей концепции операционные категории: исходные макроклассы слов (с ориентацией на систему частей речи), каждый со своим строением и составом (в соответствии с этими макроклассами, в их рамках и дано лексикографическое описание всего словарного корпуса РСС); лексическое древо (многоступенчатую классификацию, ступени которой находятся друг с другом в отношении ступенчатой инклюзии), репрезентирующее словесный класс во всем его сложном устройстве (см. Шведова, 1996, с. 221); лексические множества и подмножества, составляющие иерархическую структуру исходного класса, или ветви лексического древа; лексико-семантический ряд, в котором объединены словозначения, находящиеся в отношении непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности (см. с. X); лексическое значение слова как элементарную единицу словарного описания, как такую категорию, которая “снимает” многие теоретические и “описательные” затруднения в связи с проблемой пересечения классов слов и в то же время объективно и исторически соответствует онтологической сущности слова и его формированию как лексической единицы (в “Предисловии” тома I РСС дано развернутое обоснование отдельного значения слова как элементарной единицы словарного описания – см. с. XV–XVI).

Выяснив определенные принципы системной организации словарного состава современного русского литературного языка как созданной самим языком и им самой организуемой (см. с. XVII), авторы РСС поставили перед собой задачу лексикографическими средствами представить организацию русской литературной лексики, единиц, ее составляющих, в иерархической многоступенчатой классификации (построенной в соответствии с этими принципами), в действительных семантических и стилистических связях и соотношениях каждой лексической единицы внутри лексико-семантических рядов (при уточнении семантического объема единицы словарного описания).

В результате в данном Словаре оказалось преодоленным свойственное традиционной лексикографии несоответствие между теоретическим, во многом априорным признанием системности лексического

состава и ее выявлением (на практике – непоследовательным, недостаточно точным) в словарном тексте. Тезису о системной организации лексики (в данном случае – русского литературного языка), о принципиальной и реализуемой возможности представить словесный состав языка в рамках Словаря как систему авторы РСС придают первостепенное значение. Именно с данного тезиса и начинается упомянутая статья Н.Ю. Шведовой: ““Русский семантический словарь” (тт. 1–6, около 300000 единиц) был задуман в качестве труда, который представит современную русскую общеупотребительную лексику в виде такого уровня языковой системы, который, как и уровни грамматический и словообразовательный, имеет собственную организацию и может быть представлен как такая организация” (Шведова, 1999, с. 3).

Такая задача и базовые принципы лексикографической концепции обусловили нетрадиционное построение РСС. Многие основные параметры, сложившиеся в традиционной лексикографии, предстают в преобразованном виде.

Сам же принцип презентации словесного материала в его системной организации – по исходным макроклассам и составляющим их лексико-семантическим множествам и подмножествам, организованным в лексическое древо; элементарная единица словарного описания – отдельное лексическое значение; построения толкования лексического значения в соответствии с общим понятийно-семантическим содержанием лексико-семантического ряда; схемы общей классификации лексики, лексического древа и его структурных фрагментов (в их соподчиненности), предваряющие представление всего корпуса единиц РСС и каждой ступени, “шага” лексического древа (этот “внешний”, якобы формальный элемент лексикографической презентации – существеннейший параметр словарного описания системной организации словесного состава; он подтверждает принцип системности, наглядно демонстрирует его, организует само представление конкретного словесного материала и в то же время организует внимание читателя РСС, “помогая” ему сориентироваться в освоении как фрагментов описываемой лексической системы, так и самой системы в целом), – все эти новации лексикографического описания создают новое качество словарного издания. В целом РСС предстает как толковый словарь нового типа. Этот Словарь по существу открывает новую главу в практической и теоретической лексикографии, новые перспективы лексикографического исследования и описания лексической системы современных литературных языков, конкретно – современного русского литературного языка. Больше того, РСС как такое лексикографическое издание,

в котором русская лексика представлена в систематизированном виде (это разноаспектная систематизация по классам слов и значений, не говоря уже о систематизирующей описательной части текста Словаря, наглядно дана в схемах лексического древа – см. особенно “Сводный порядок схем”, с. 715–781 и в подробнейшем “Содержании” – см. с. 783–800), станет надежной, научно выверенной материальной основой для составления словарей самого разного назначения в области академической и учебной лексикографии.

Перед РСС оставалась в силе и другая задача, обязательная для каждого толкового словаря: охарактеризовать – максимально разно-сторонне – словарные единицы в их употреблении в современном литературном языке, в их функционировании в современной речевой коммуникации.

При этом принципиально важным, как кажется, было выйти из противоречия (“лексикографического парадокса”), заложенного в самой природе толкового словаря (вечно изменяющееся слово и его регистрация в словаре “в состоянии покоя”) (см. Шведова, 1988а), раскрыв – на конкретном лексическом материале и в структуре словарной статьи (а авторы РСС опираются и на выявленную ими систему организации словесного состава) – динамику движения лексической единицы и словесного состава (в некоторых его аспектах) русского литературного языка современной эпохи.

Последовательная реализация методики описания словарных единиц в рамках лексического древа и разработанной авторами структуры словарной статьи при широком привлечении “новаций современного языка” (с. XXI) позволяет прийти к уверенному заключению, что в РСС (во всяком случае – как это представлено в предлежащем томе!) находит отражение адекватная научная картина языковой реальности (в пределах исследованного фрагмента современного русского литературного языка – его словарного состава).

Нужно признать, что авторы провели громадную аналитико-классифицирующую работу, последовательно и тщательно, скрупулезно вычленив из общего словесного состава корпуса РСС (300000 единиц описания) “шаг за шагом” лексические классы, а затем устанавливая их внутреннее подразделение путем безостановочного разбиения всего массива каждого класса на множества по признаку общности лексических сем, образующих эти группировки. Замечательным результатом такой классифицирующей работы и столь же знаменательным теоретическим достижением представляется установление того факта, что

каждая единица (в 1-м томе – каждая из 39000) нашла свое место в этой грандиозной классификации. Это в свою очередь подтверждает истинность принятого принципа деления словесного состава национального языка, его (принципа) адекватность реальной языковой действительности, а также, как совершенно резонно заключают авторы РСС, “дает реальные собственно языковые основания для утверждения тезиса о системной организации лексики” (с. XVI).

Действительность и действенность предложенной и осуществленной на массиве в 300 тысяч единиц классификации подтверждается и таким, чрезвычайно важным для историко-лексикографических наблюдений над современным движением в словарном составе любого (в данном случае – русского) языка, обстоятельством, как то, что всякое новое явление лексико-семантического характера или каждое слово, не зафиксированное лексикографически, находит свое место в одном из установленных данной классификацией множеств. Это подтверждается наблюдениями над такими, взятыми наугад, словами, как прост. типоша (к 43; 277), разг. дульщина (к 23; 117), прост. козел (к 13; 53), или над таким новым лексико-семантическим явлением, как обозначение партнеров внебрачной пары словами друг, подруга (ср. англ. *boy friend*, *girl friend*), и многими другими наблюдениями над современной речевой коммуникацией.

Словник. Корпус РСС сложился на базе словесного материала, зафиксированного в основных толковых словарях русского языка и словарях иностранных слов, изданных в XX в., а также извлечений из общих энциклопедических словарей XIX–XX вв. и многочисленных специальных энциклопедий и справочников. Основа картотеки слово-значений составили материалы всех, 23-х, изданий “Словаря русского языка” С.И. Ожегова (1949–1989) и “Толкового словаря русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (изд. 1–4, 1993–1997). Кроме того, состав словника настоящего Словаря регулярно пополнялся лексическими материалами текущей беллетристики, публицистики, СМИ и из “живой разговорной речи и граничащего с ней просторечия” (см. с. XVII–XVIII, ср., Шведова, 1996, с. 220).

Эти данные, указанные в “Предисловии” 1 тома РСС, подтверждают то общее впечатление, что при всем новаторстве идеи и способов лексикографической презентации РСС опирается на традицию и результаты лексикографического исследования лексики современного русского литературного языка, нашедшие отражение в отечественной лексикографии.

В связи с принятой в РСС единицей словарного описания отдельного лексического значения количественный состав словника увеличивается на один-два порядка: в РСС оказывается 300000 словарных единиц – см. с. IX (по данным статьи Н.Ю. Шведовой 1996 г. – около 400000 единиц – см. Шведова, 1996, с. 220). Впрочем, авторы не игнорируют семантическую структуру слова (см. с. XI–XIV), она представлена в РСС иначе, чем в традиционной лексикографии.

Известным “резервом” количественного увеличения словника послужил сам принцип распределения единиц описания по выделенным в РСС лексическим множествам. В силу этого принципа не только многозначные слова оказались “разведенными” по разным “ветвям” лексического древа (в соответствии со своими “отдельными лексическими значениями”), но под влиянием “логики разбиения” массива лексического класса на множества, объединяемые исходными лексическими семами, и, следуя принятой в РСС методике семантизации заголовочного слова (ЗС) с ориентацией на понятийно-семантическое содержание лексико-семантического ряда и каждого его члена, в некоторых случаях авторам РСС пришлось пойти на детализацию отдельного лексического значения по сравнению с семантизацией соответствующих слов в исходном для РСС однотомном словаре – “Толковом словаре русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ОШ). Ср., например, пророк: ОШ, 1997 – 2 значения, РСС – 3 значения (с. 178–22; 112; с. 204–25; 129; с. 390–45; 307), просветитель: ОШ – 1 знач., РСС – 2 знач. (с. 126–14; 54; с. 176–22; 108; впрочем, в “Словаре русского языка” под ред. А. П. Евгеньевой, изд. 2, т. 111, дано 2 значения, отраженные в РСС) или – в другом плане – малявка: ОШ–2 знач., РСС – 3 (с. 330 –42; 262; с.333–42; 265; с. 450 – 46: 352).

К сфере словника, как очевидно, относится проблема выделения ЗС, поскольку тем самым определяется, уточняется состав единиц, составляющих словник. Этот вопрос в первом томе возникает в связи с тем, что некоторые существительные (в основном в разделе “Названия тела, организма, их частей, продуктов жизнедеятельности”) описываются отдельно (как ЗС) в форме единственного и в форме множественного числа. Так, представляется непоследовательным при одном ЗС слеза, волос выделение отдельных ЗС слюни, сопля (при наличии слюна, сопля), хотя семантическая структура и семантизация словарных единиц волос, слеза, слюна, сопля в целом однотипна (см. соответственно с. 506, 497).

Словарная статья. Словарная статья существенно отличается от

сложившейся в традиционном толковом словаре. Это обусловлено прежде всего тем, что описывается, в первую очередь – семантизируется, не слово, а отдельное лексическое значение.

Выбор такой единицы словарного описания привел к тому, что семантическую структуру многозначного слова, “разъятую” по отдельным значениям, можно представить в целом, только “сбрав” толкования отдельных ее компонентов (это поможет сделать сводный “словоуказатель”, помещаемый в Приложении к каждому тому, в данном случае – к первому тому).

Другая причина необычности словарной статьи, в первую очередь ее толкующей части, объясняется или обусловлена тем, что, задавшись целью доказать и показать, выявить системность в организации русской лексики, авторы приняли и последовательно проводят общее направление семантизации словарной единицы в рамках выделяемых множеств, при котором толкование ориентировано а) на общую сему, объединяющую единицы описания вычлененного лексического множества, и б) на выявление индивидуального отличия (при общей семантической основе) описываемой единицы от других в данном множестве, в данном лексико-семантическом ряде.

Такой подход к толкованию словарной единицы создает условия для углубленной, более взвешенной, с очевидным внутренним обоснованием, более точной и дифференцированной (по сравнению с традиционным толковым словарем) дефиниции толкования смысловой стороны каждого члена лексико-семантического ряда. При этом важно подчеркнуть, что усиление дифференцированности толкования связано не столько с фиксацией новых значений или осмыслений единицы описания в речи (не отмеченных другими словарями), сколько с более детальной разработкой семантической структуры соответствующего слова.

Особенно четко это свойство словарной статьи РСС в первом томе проявляется в лексических группировках, объединяющих словозначения денотативного характера, прежде всего те, которые обозначают главным образом неживые предметы и животных.

Что же касается лексических множеств, объединяющих обозначения человека, то эта сфера номинаций (наряду с лексическими множествами, в которых в толкованиях соответствующих единиц описания очень четко разграничиваются денотаты, смысловые или понятийно-содержательные оттенки – см., например: 22; 112 “Предсказания разгадки, подсказки”; 22; 113 “Восприятие информации”;

44; 284 “Народы, племена, население государств” – правда, в этом множестве немало необоснованных пропусков, скажем, есть викинги, готы, гунны, половцы, но нет аланы, бритты, венет(д)ы, кривичи), видимо, потребует усовершенствования толкований с точки зрения четкости разграничения членов лексико-семантического ряда – см., например: 22; 108 “Провозглашение идей, знаний”, ср.: богатый, богач – с. 139 и др.

В РСС выявляются и “вертикальные” лексико-семантические связи словарных единиц, с одной стороны, через схемы лексических множеств и подмножеств (и их соподчиненности) и благодаря последовательно проводимых в дефинициях толкований словарных единиц известного подмножества однотипных формулировок, в частности, употребления “ключевых или опорных слов”, указывающих на принадлежность описываемой единицы к данному лексическому множеству или подчеркивающих, выявляющих его общую лексическую сему (см., например, с. 519-524; 585; 386, 387; 54; 388; 389, 390, 391, 393). С другой стороны, в “словообразовательной” зоне словарной статьи, где приводятся ближайшие производные образования (как “без собственного описания в отдельной словарной статье”, так и выступающие в качестве самостоятельного ЗС – см. с. XX-XXI).

Между тем в данном Словаре – в отличие от алфавитного принципа размещения словарных единиц – выяснения “вертикальных” лексико-семантических связей и соотношений бесприставочных производных образований и слов с производящей основой становится довольно проблематичным, поскольку значительная масса таких единиц относится к разным фрагментам лексического древа, следовательно, – описаны в разных томах РСС. При алфавитном принципе, как известно, “вертикальные” смысловые (семантические) связи и соотношения указанных словарных единиц выявляются непосредственно, в силу “топографической” близости их расположения в словарном тексте – см., например, очевидность таких связей в ОШ между словами пропагандист и пропаганда, просветитель и просветить – “Передать кому-н. знания, распространить знание, культуру”; причем эта соотносительность проявляется и в направлении семантизации таких слов: ср. “Пропаганда... Распространение в обществе и разъяснение каких-н. воззрений, идей, знаний, учения...” – “Пропагандист... Человек, который занимается пропагандой (выделено мной – Ю.Б.) чего-н. ...”.

Для прояснения этих связей и соотношений, видимо, целесообразно внести какие-то отсылочные пометы хотя бы в словарной статье слова с производящей основой: скажем, в “словообразовательной” зо-

не производное образование, имеющее самостоятельную разработку, как-либо особо выделить, “отсылая” к соответствующей словарной единице, а также предусмотреть в общем словоуказателе ко всем томам Словаря упоминания о производных образованиях, получивших самостоятельную лексикографическую разработку (с указанием тома и страницы) с тем, чтобы “базовое” слово гнезда и его ближайшие дериваты оказались “собранными” в одном месте, а читатель смог бы составить более цельное представление относительно их семантических и деривационных связей, соотношений. Или можно было бы в “словообразовательной” зоне словарной статьи “базового” слова дать указание, где (том, страница) описано соответствующее производное образование.

Структура словарной статьи в РСС устроена целесообразно. Ее зоны и пометы, организуясь вокруг двух центров (толкование единицы описания и ее разноаспектная коммуникативно-речевая характеристика) целенаправленно (в рамках известного лексического множества) “работают”, с одной стороны, на точное и исчерпывающее изъяснение семантики ЗС (включая дефиницию толкования). с другой, – на выявление его (ЗС) дифференциальных признаков по широкому кругу параметров (лингвостилистических, функционально-речевых, социокультурных, историко-лингвистических, грамматических, словообразовательных...). Эти параметры представлены в виде системы помет, определенных зон словарной статьи (иллюстрации, фразеология, ближайшие производные образования...).

В результате взаимодействия системы помет и зон словарной статьи в подавляющем большинстве лексических множеств достигается оптимальное описание словозначений при четком разграничении их смысловой стороны, стилистических (в широком смысле этого термина), социокультурных, историко-лингвистических, грамматических особенностей функционирования в современной русской речевой коммуникации; несравнимо более четко и последовательно прописаны синтагматические связи словарных единиц.

Нагляднее всего четкость толкующих дефиниций и разграниченность функционально-речевых, историко-лингвистических признаков проявляется в описании номинаций человека, а разграниченность по функционально-предметному назначению, по социокультурному своеобразию, с точки зрения диахронии прослеживается в описании предметной лексики.

По ходу ознакомления с текстом первого тома РСС, естественно, возникает немало общих проблем словарного описания и еще больше

конкретных вопросов, связанных, скажем, с “пропусками” в словнике или с обоснованностью выделения некоторых видов (или типов) заголовочных слов (например, формы множественного числа существительных), и особенно по словарной статье, вернее – по словарным статьям, в связи с мерой последовательности толкования некоторых единиц описания, представления их функционирования в современной речевой коммуникации, применения помет, их типизации или унификации и т.п.

Видимо, в силу принципиальной новизны данного лексикографического издания целесообразен специальный разбор первого тома (а впоследствии – и всего корпуса РСС) по каждому “пункту” структуры данного Словаря, подобный, например, “критическому отзыву” В. И. Чернышева на “Толковый словарь русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова (см. Чернышев, 1970, с. 251-383) или анализу 17-томного “Словаря современного русского литературного языка”, предпринятому В.В. Виноградовым (см. Виноградов, 1966) и другими участниками совещания, посвященного этому словарю, в 1966 г. (см. Тезисы..., 1966).

В заключение рецензии, имеющей целью дать обобщенную оценку первому тому РСС и на ее основе – всему научному предприятию, следует отметить, что, во-первых, рассмотренный том подтвердил научную плодотворность общих принципов лексикографической презентации лексического состава современного русского литературного языка, примененных в данном Словаре; во-вторых, задача демонстрации, выявления системной организации русской литературной лексики нашла убедительное решение; в-третьих, выбор единицы словарного описания себя полностью оправдал как в теоретическом отношении, так и в плане практического лексикографического описания словесного состава, систематизированного по классам слов и значений; в-четвертых, благодаря такой единице описания (и, конечно, общим принципам лексикографической презентации) словарник получает широкие возможности более обоснованного и исчерпывающего ее толкования, выяснения дифференциальных признаков словозначений и их последовательной и углубленной лексико-семантической, стилистической, социокультурной характеристики по широкому кругу параметров функционирования ЗС в современной речевой русской коммуникации, а также установления внутрисистемной взаимосвязанности каждой словарной единицы и системной организации русской литературной лексики в целом.

Литература

Шведова, 1999 – Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над “Русским семантическим словарем”//ВЯ, 1999, №1.

Шведова, 1988 – Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре//Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М., 1988.

Шведова, 1996 – Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь (Опыт описания лексики как системы)//Вестник РГНФ. – 1996 – №1.

Шведова, 1988 – Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи//Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988.

Чернышев, 1970 – Чернышев В.И. Толковый словарь русского языка. Критический отзыв//Чернышев В.И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Виноградов, 1966 – Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для русского языкознания//ВЯ, 1966, №6.

Тезисы..., 1966 – Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над “Словарем современного русского литературного языка” (1948–1965) и перспективам работы над словарем современного русского литературного языка. Л., 1966.

Толковый словарь русского общего жаргона⁹

Факт появления в 90-е годы разнообразных словарных изданий, посвященных периферийным пластам лексико-фразеологического состава русского языка последних 15-18 лет, отражает реальные процессы их сильной активизации в повседневной речевой коммуникации, в том числе – в современной русской литературной речи, устной и письменной. В этой активизации периферийной лексики и фразеологии находят выражение некоторые основные тенденции языковой эволюции, обусловленные теми изменениями в социальном (социокультурном) существовании русского литературного языка, которые совершаются под влиянием мощных экстралингвистических импульсов: распада СССР и ситуации, порожденной этим социально-экономическим катаклизмом, в общественно-политической, духовной, хозяйственной жизни постсоветской России. Имеются в виду такие

тенденции современной языковой жизни, как а) резкое возрастание значимости разговорной речи в сложившейся системе функциональных разновидностей русского литературного языка и больше того – разговорной стихии внелитературной сферы национального языка (просторечия и особенно жаргонной речи) в современной литературной речи (устной и письменной); экспансия элементов разговорной речи в традиционные тексты книжной культуры слова; б) детабуизация бранной, вообще грубой просторечной лексики и фразеологии не только в разговорной (литературной) речи, но и в устных и письменных вариантах речи книжной.

Предлагая “словарь русского общего жаргона (О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. Под общим руководством Р.И. Розиной, М., “Азбуковник”, 1999), авторы руководствуются задачами “культурно-речевого” характера (на стр. IV читаем: “...очевидно, что, не зная этих слов, невозможно полностью понимать все то, что сейчас пишется и говорится по-русски”). Вместе с тем главная задача рецензируемого издания состоит в том, чтобы “отразить жаргон жителей современного большого российского города, отделив его от жаргонов отдельных социальных, в частности криминальных, и профессиональных групп” (с. IV). Под общим жаргоном понимается по существу та часть ненормализованной речи современного города, которая нашла и находит отражение в текстах массовой информации. Это обязательное условие включения лексико-фразеологического материала в Словарь. Авторы специально подчеркивают: “...доказательством принадлежности слов к общему жаргону” они считают “...употребление этих слов в прессе, ориентированной на широкую аудиторию” (там же). Предполагается также, что такие слова и фразеологические обороты употребляются (или по крайней мере понимаются) “...всеми жителями большого города, в частности образованными носителями русского литературного языка” (там же).

Говоря об общих принципах “толкового словаря русского общего жаргона”, важно обратить внимание на то, что авторы, четко определив социокультурные рамки объекта лексикографического описания (это представлено в той или иной степени и в других словарях периферийной лексики), пошли по пути более широкого, а главное – эксплицитного, применения функционального принципа лексикографической презентации. Не ограничиваясь констатацией устной реализации общего жаргона, они ориентируются на письменную фиксацию его единиц в литературных текстах, именно в текстах массовой информа-

ции. (И при семантизации заголовочного слова исключаются речения – только точные цитаты преимущественно из печатных текстов, реже – из записей живой устной речи с детальной их паспортизацией.) Такое ограничение вполне оправдано, поскольку в Словаре регистрируются явления ненормированной устной речи.

Это принципиально новый элемент в регистрации лексикографического описания единиц внелитературной речи. Он, конечно, накладывает известные ограничения, на полноту словника, поскольку далеко не все слова и обороты городского просторечия (понимаемого как совокупность социокультурных разновидностей ненормированной речи городских жителей) “попадают” в литературные тексты, даже в тексты массовой информации. В то же время отражение в Словаре речевых единиц, письменно зафиксированных, несомненно, создает наиболее благоприятные условия для “чистоты” научного анализа, в данном случае – лексикографического исследования, как самих единиц общего жаргона, так и его основных семантико-коннотационных и функционально-речевых характеристик.

Такой подход к лексикографической презентации периферийных пластов лексики и фразеологии, в том числе и лексико-фразеологических единиц общего жаргона, позволяет с высокой степенью адекватности выяснить, с одной стороны, особенности семантической структуры (включая систему коннотаций) таких единиц и их функционирование во внелитературной сфере, поскольку в литературные тексты речевой материал такого рода, взятый непосредственно из народно-разговорного языка, обычно включается с сохранением основных параметров семантики, экспрессии, дистрибуции, присущих соответствующим единицам в их “родной среде обитания”. Во всяком случае это убедительно подтверждают наблюдения над диалектизмами и жаргонизмами, над их функционированием в художественно-беллетристических и публицистическом стилях русского литературного языка XIX века (в послепушкинский период).

С другой стороны, выясняется наиболее существенный с семантико-экспрессивной точки зрения и функционально наиболее активный, актуализированный для речевой коммуникации носителей литературного языка фрагмент современного городского просторечия.

Для общей характеристики Словаря, его лексикографической идентификации существенным обстоятельством представляется ориентация авторов на носителей литературного языка (это ощущается уже в самом названии “лексикона”: “Слова, с которыми мы все

встречались”).

Будучи словарем общего жаргона, данное лексикографическое издание не ограничивается констатирующе-регистрающим характером презентации лексико-фразеологического состава обозначенной сферы речевой коммуникации (как это типично для словарей периферийной лексики). Авторы Словаря, наряду с семантизацией его единиц, раскрывают сложившиеся в устной ненормированной сфере речевой коммуникации способы и ситуации их употребления, уточняя при этом системой помет и в комментариях грамматический статус (в необходимых случаях – отдельные формы), детали социокультурной и функционально-речевой характеристики каждой единицы описания.

Ориентация на литературные тексты, именно на тексты массовой информации, при составлении Словаря дает репрезентативный материал и для исследования процессов, явлений, наблюдаемых в русском литературном языке конца XX столетия, в частности, позволяет выявить функционально-стилевые условия проявлений общего жаргона в контексте литературного языка и некоторые другие важные аспекты современного русского литературного языка.

Словник. Как ясно из прямых указаний авторов, состав словника определяется “присутствием” единиц общего жаргона в текстах массовой информации, “в прессе, ориентированной на широкую аудиторию” (с. IV). Это требование, как видно из иллюстративной зоны словарных статей, в подавляющем большинстве статей реализуется. Авторы все же отступают, правда, в единичных случаях, от заявленного ими принципа отбора словарных единиц: см.: Лажовый, Мотать, Не колышет, Пахан, Рваный, Сачок, Шеф. Представляется непоследовательным (с точки зрения опоры на опубликованные тексты) начинать зону “Примеры” словарной статьи со свидетельств разговорной речи – см.: Мусор, Обломить, Отпад (оба значения). Слить, Совок (2-е значение). Стучать, Схвачено, Чайник (4-е значение). Фраер (здесь “примеры” начинаются с цитаты из “блатного фольклора”, что нарушает установку авторов на игнорирование жаргонов “отдельных социальных, в частности криминальных, ...групп”).

В отличие от толкового словаря литературного языка в словник данного Словаря включены на правах заголовочного слова не только фразеологизмы номинативного (вор в законе, крестный отец) и глагольного характера (под колпаком [быть]), но и предложно-падежные сочетания (до лампочки, до фонаря, до фени, по жизни, с прибабахом), а также изолированные (вне собственной морфологической парадиг-

мы) формы (или словоформы): светит/не светит, схвачено, наши, повязан, поддаты...

Если в традиционный толковый словарь такого рода единицы включаться не должны, то в словаре, который имеет своей задачей (или одну из задач) разъяснить слова известного социокультурного статуса, представленные в корпусе известных текстов (и к тому же – лексемы, актуализированные в речевой коммуникации определенной эпохи), такие и подобные вокабулы узального характера могут и должны быть лексикографически описаны, даже и при их единичной регистрации или нестатистической частотности.

Исходя из сказанного, вполне закономерна статья “Ж. (Только прописное).” [надо бы: прописная (буква)], в которой представлено якобы слово “Ж.” (сущ. м.р.) со значением “Жириновский” (с. 48). Впрочем, на равных основаниях претендует на аналогичную фиксацию и “сущ. м.р.” “Х.” со значением “Хасбулатов”, хотя бы потому, что в “Примерах” статьи “Ж.” есть цитата, в которой упоминается это слово.

В целом читатель получил вполне репрезентативный корпус активных и актуальных единиц современного русского общего жаргона. Хотелось бы только, чтобы авторы в интересах не столько подтверждения репрезентативности предложенного корпуса словарного материала, сколько определения уровня этой репрезентативности, указали хронологические рамки обработанных ими источников Словаря. Наблюдения над текстом Словаря позволяют определить общий временной отрезок: 1991 г. (эпизодически) до начала 1999 г. (с акцентом на 1994–1998 годы), а также общий объем выборки, поскольку разные годы наблюдений даны в Словаре количественно по-разному.

Словарная статья. Структура словарной статьи не традиционна, устроена целенаправленно, таким образом, чтобы максимально полно представить основные параметры “системной” и главное – функциональной стороны единицы лексикографического описания одного из фрагментов внелитературной сферы современной русской речевой коммуникации – общего жаргона. Словарная статья дает объемное, дифференцированное представление относительно смыслового содержания и эмоционально-экспрессивного наполнения (семантической структуры) каждой словарной единицы, социокультурной сферы и ситуаций ее употребления, ближайших парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей в рамках общего жаргона, грамматической дистрибуции, морфологических особенностей; выясняется также социолингвистическое происхождение (из специальных

жаргонов, из литературного языка) и этимология (в необходимых случаях) слова или фразеологизма.

В отличие от словарной традиции семантизации периферийной лексики и фразеологии авторы не ограничиваются “переводом” заголовочного слова на литературный язык. Давая денотативное значение, они особое внимание обращают на коннотации, которые приобретает или имеет заголовочное слово в общем жаргоне. Авторы справедливо полагают, что “...коннотации являются наиболее важной частью значения жаргонного слова – тем, ради чего оно создается и употребляется” (с. V). Такая детальная, дифференцированная, разноаспектная разработка заголовочного слова имеет общеметодологическое значение для лексикографической презентации словарных единиц вообще – не только из ненормативной сферы национального языка. Словарная статья такой структуры вполне приложима (с известными модификациями) к толкованию слов литературного языка – к “толковому словарю”, к словарю иностранных слов.

Словарная статья, таким образом, состоит из следующих зон: Заголовочное слово (ЗС, с указанием ударения или его вариантов, орфографических вариантов – при необходимости, здесь же опорные формы морфологической парадигмы); Грамматические пометы и комментарии (“Морф”); “Частотность” (не регулярно); “Употребление”; “Значение”; “Коннотация”; “Сочетаемость”; Иллюстрации (“Примеры”); Парадигматические связи (“Синонимы”, “Антонимы”); Словообразовательные связи (“Гнездо”); “Происхождение”.

В зоне “Морф” содержится морфологическая характеристика ЗС, указания об употребительности отдельных форм, о “дефектности” парадигмы, синтаксическая характеристика изолированных форм (в статусе ЗС), например: к ЗС Бодун, Бугор “Только с предлогами” (с. 14), к Кранты – “в функции предиката в безличном предложении” (с. 82), к Не колышет – “употребляется безлично” (с. 123). В связи с последним было бы точнее обозначить данную зону словарной статьи как “грамматическую”. В целом эта зона разработана тщательно, насыщена разнообразной информацией, помогающей ориентироваться (вместе с зоной “Сочет”) в грамматической дистрибуции ЗС.

Обращает на себя внимание корректность некоторых рекомендаций и ограничений коммуникативного свойства: например, к Сниматься – “...СВ не отмечен” (с. 193), к Повязан – “...Чаще во мн.” (с. 149). Обращает на себя внимание профессионально лексикографический способ указания на реальность употребления конкретной формы: упо-

минается соотносительная форма [напр.: “Круто. Нареч. Сравн. ст. круче” (с. 85); “Крутой. Прилаг. Сравн. ст. круче” (с. 86); “Купиться”. ...НСВ покупаться (с. 92); “Напрягать. ...СВ напрячь (редко) (с. 120);” “Отмороженный. ...ж.р. отмороженная” (с. 136)].

Вместе с тем наблюдается известная непоследовательность в морфологической характеристике однотипных явлений. Ср.: “Севера, -ов... Только мн.” (с. 189) – “Юга... Только мн.” (с. 265). Указания на форму род. пад. мн. числа нет, хотя и в “Сочет” и в “Примерах” дается употребление этого ЗС в косвенных падежах, ср. также статьи Опер и Мент: при указании акцентологических вариантов форм род. пад. ед. числа у слова опер “...-á, -а”, в статье Мент есть только “...-á”, тогда как Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997) дает форму -а (без ударения): Мент, -а (прост.).

Характер представления зоны “Частотность” требует некоторого уточнения. Видимо, отсутствие в статье указания “Оч. частотн.” или “Малочастотн.” следует рассматривать как констатацию известной употребительности соответствующего ЗС.

Исключительно важна для функционально-речевого статуса слова (в Словаре – ЗС) его сочетаемость. Ведь известно, что “...действительная жизнь... слова совершается в речи” (Потебня, 1958, с. 15). Поэтому наличие зоны “Сочетаемость” принципиально значимо для всякого словаря, тем более для словаря, посвященного устной речи внелитературной сферы. Целесообразно расширить данную зону, выясняя, по возможности, основные линии грамматической сочетаемости ЗС (например, к таким словам, как заложить, заказуха, закидан, попса, ствол, стегануться, челнок), более последовательно обозначая лексическую сочетаемость (см., например, отсутствие данной зоны в статьях “Челночный”, “Хайрастый/хаератый”), давая возможно полный список лексических связей ЗС (например, к слову чернушный). Было бы уместным отмечать в зоне “Происхождение” – в случаях производности ЗС от “литературного” слова – сочетаемость этого слова, когда у ЗС наблюдается иная сочетаемость (например, в описании глаголов заказать, снимать).

Тесно связаны с зоной сочетаемости зоны парадигматических и словообразовательных связей, особенно тех членов словообразовательного гнезда, которые описаны в Словаре. Все это в совокупности создает объемность лексико-семантической перспективы презентуемой словарной единицы, “оживляет” ее реальные лексико-семантические и словообразовательные связи внутри общего жаргона.

Зоны “Значение” и “Коннотация, естественно, занимают центральное место в словарной статье, образуя единый блок семантизации ЗС, часто вместе с зоной Употребление”, когда в этой зоне приводится экспрессивная характеристика употребления ЗС.

В целом зоны “Значение и “Коннотация” полностью выполняют свою задачу. Они действительно дополняют друг друга, как сказано в статье “От редактора” Р. И. Розиной (см. с. V), давая объемную характеристику смысловой и экспрессивной стороны ЗС. Однако больше всего конкретных замечаний вызывает зона коннотаций в связи с тем, что значительная часть формулировок этого “пункта” словарной статьи очень разнообразна по своему синтаксическому наполнению, интенциям высказывания. Между тем жанр Словаря, как очевидно, требует максимального единообразия, типизации лексикографического описания.

Трудно переоценить зону “Происхождение”. Обобщение наблюдений дает возможность проследить, с одной стороны, происхождение известной части лексико-фразеологического состава современного городского просторечия от жаргонной речи отдельных социальных и профессиональных групп; с другой стороны (и это наиболее существенно для выяснения связей литературного языка – особенно русского литературного языка 80–90-х годов), и внелитературной речевой сферы – “заимствования” общего жаргона из литературного языка.

Значимость для русской лексикографии рецензируемого Словаря определяется, во-первых, тем, что предпринят первый опыт лексикографического описания монографического характера внелитературной сферы русского национального языка – именно общего жаргона – с обязательной опорой при регистрации словарных единиц на “отражения” этих единиц в текстах литературного языка.

Во-вторых, данный словарь – одно из немногих современных изданий, в которых в практику описания словарных единиц, в структуру словарной статьи вносятся существенные, принципиально новые компоненты, способствующие тому, что ЗС обретает стереоскопическую, дифференцированную характеристику его основных лексико-семантических, грамматических и функционально-речевых свойств.

Литература

Потебня, 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958

Стилистический словарь публицистики²⁰
(Г.Я. Соганик. Стилистический словарь публицистики,
М., “Русские словари”, 1999)

Нельзя не согласиться с мнением автора Словаря, что “язык публицистики, газеты, располагающий богатейшим фондом лексико-фразеологических, выразительных средств, заслуживает самостоятельного лексикографического описания” (с. 3), – заслуживает, по крайней мере, по двум фундаментальным причинам. Во-первых, в языке прессы, вообще в языке средств массовой информации зарождаются многие речевые новации, со временем получающие общелитературный статус и нормативность. Во-вторых, публицистический стиль остается одним из влиятельнейших среди других функциональных стилей современного русского литературного языка, исследование и описание речевой структуры которого имеет исключительную важность для выяснения общих закономерностей функционирования речевых средств в нашем языке.

Есть и третья, прикладного характера, причина, в силу которой такой Словарь представляется актуальным. Имеется в виду практическая польза от него журналистам, редакторам, учителям русского языка и литературы – всем, кто работает с текстом, кому он будет служить и справочным пособием, и во многом нормативным ориентиром в их творческой работе.

Словарь будет полезен также и в процессе подготовки журналистских кадров.

Важно обратить внимание еще на одно обстоятельство, существенно выделяющее данный Словарь из ряда современных лексикографических изданий. Сохраняя во многом характер толкового словаря, он нацелен на выявление особенностей употребления слов, выражений, изобразительно-выразительных средств в контексте публицистического стиля – одного из функциональных вариантов современного русского литературного языка. Ведь употребление лексико-фразеологических единиц в рамках литературного языка, если и рассматривается в академической лексикографии, то в самых общих чертах и весьма непоследовательно. Лишь в последнее время стали появляться словари, в которых употребление слов и фразеологизмов становится одним из обязательных, центральных аспектов лексикографического описания. Ориентация автора на подробное лексикографическое описание употребления номинативных единиц делает Словарь Г.Я. Соганика особым типом лексикографического справочника.

В результате лексикографического описания словарной единицы читатель (или, как сейчас модно стало говорить, пользователь) Словаря получает максимально возможное представление о реальном функционировании слова, фразеологизма в контексте современной публицистики, о его сочетательных возможностях с другими словами, причем фиксируется не только лексическая, но и синтаксическая сочетаемость. Автор дает информацию и о парадигматических связях слова и фразеологического оборота (в Словаре отмечаются синонимы и антонимы заголовочного слова). Однако последнее делается непоследовательно: встречаются статьи, в которых синонимы не указаны или не все из них учтены (см., например: оккупант, отчизна, призыв, цитадель).

Нацеленность “Стилистического словаря публицистики” на выяснение функционирования лексики и фразеологии в современной речевой коммуникации, правда, ограниченной текстами СМИ, привела его автора к необходимости разработать по существу новую структуру словарной статьи (в том числе – систему стилистических помет), которая надежно раскрывает “поведение” слова в речи.

Автор провел большую предварительную работу по отбору наиболее репрезентативного лексико-фразеологического материала, проанализировав лишь около 6000 словарных единиц. Конечно, при таком ограничении словника возможны и неизбежны пропуски “значимых” слов и выражений. Отметим лишь те из них, которые подсказаны материалом самого Словаря. Так, не отмечены переносные значения слов бизнес, экстраполировать и др. В связи с этим было бы целесообразно в Предисловии подчеркнуть, что автор предпринял первый опыт подобного издания, к тому же ограниченного объема.

Заслуживает внимания подробно разработанная фразеологическая часть словарной статьи (полнота представления фразеологии, семантизация фразеологических единиц, иллюстрации). См., например, статьи: база, Бог, бой, брат, буря, век, начать, небо, нельзя, нога, нос, нота, огонь, открытый, открыть, палец, первый, перчатка, царь, цвет, час, чаша, черный, человек, что, шея, шкура, ядерный, язык и др.

Весьма полезны запретительные рекомендации. Они нацеливают читателя на поиски точных и выразительных речевых средств. Было бы желательно увеличить количество таких рекомендаций. Впрочем, вполне прав автор, делая упор на показ “положительных” образцов использования тех или иных слов и выражений, отходя от сложившейся в разных пособиях и справочниках по культуре речи тенденции

акцентировать внимание на ошибочном, неточном или неудачном употреблении речевых средств.

В целом “Стилистический словарь публицистики” написан на уровне современных требований лексикографии и лексикологии, имеет большое научно-прикладное и чисто практическое значение и окажет помощь в работе учителя.

Словарь-справочник по русской фразеологии для иностранцев, изучающих русский язык²¹

Методистов привлекают теоретические и практические вопросы лексикографического описания русской фразеологии в системе учебной лексикографии в целом. Это вполне объяснимо. Ведь практическое владение фразеологией, в которой находит отражение существенная часть национальной идиоматики, с одной стороны, лингвострановедческой специфики культурно-исторического своеобразия изучаемого языка, – с другой, во многом способствует углублению коммуникативных навыков учащихся, делает их речь живой, выразительной, эмоциональной, создает предпосылки для более высокой степени рецепции русских художественных, публицистических, фольклорных текстов, непринужденной разговорной речи.

Перед методистами, а также авторами-составителями учебных словарей по русской фразеологии встают проблемы, обусловленные прежде всего учебно-методической целесообразностью. Это – проблемы выработки принципов и приемов презентации фразеологического материала, оптимальной структуры словаря и непосредственно словарной статьи, рациональных вариантов “лексикографичности” описания фразеологических единиц.

Вместе с тем уже можно говорить о складывающихся профилях учебных фразеологических словарей.

1. Прежде всего – двуязычные (русско-национальные и национально-русские) фразеологические словари²², издающиеся преимущественно в Советском Союзе, начиная с 50-х годов.

2. Далее – словари русской фразеологии. Среди них следует назвать “700 фразеологических оборотов русского языка” (без переводов фразеологизмов на другой язык), “Учебный фразеологический словарь русского языка для национальных школ”, “Краткий фразеологический словарь русского языка”.²³

Обращает на себя внимание, что в такого рода словарях даются фразеологические выражения только номинативного плана. Афористика

же (провербиальные выражения и крылатые слова) последовательно выводится за рамки таких словарей. Это представляется вполне обоснованным по существу фразеологической проблематики, по условиям, принципам и приемам лексикографического описания фразеологических оборотов “номинативного” и “предложенческого” уровней, наконец, в методическом отношении.

3. Тип паремиологического словаря. В 1979 г. вышел первый учебный словарь, в котором представлена избранная русская афористика, отобранная и интерпретированная с позиций лингвострановедения.²⁴

Такое разделение русской фразеологии в учебных словарях соответствует разграничению фразеологизмов как знаков вещей и понятий и пословичных изречений, крылатых выражений, как знаков ситуаций или отношений между вещами (см., напр., Пермяков, 1971). Афоризмы (т. е. провербиальные и крылатые выражения) – это изречения (обычно в форме фразы), выражающие “какую-либо обобщенную мысль; для афоризма обязательна ... законченность мысли...” (Верещагин, Костомаров, 1979, с. 5).

4. Особый тип учебных фразеологических словарей, представленный справочным изданием В.М. Дерибас “Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка”²⁵, – по существу справочники по грамматической и лексической сочетаемости, по управлению в несвободных сочетаниях современного русского языка.

Переходя к вопросам словарной организации фразеологического материала в методических целях, следует подчеркнуть, что проблемы учебной лексикографии русской фразеологии нельзя рассматривать в отрыве от опыта традиционной “академической” лексикографии.

Вместе с тем разработка некоторых вопросов организации фразеологического материала получает движение и развитие именно в учебной лексикографии. Например, вопрос о принципах расположения словарных единиц: алфавитный или гнездовой? Двуязычная лексикография как будто отказалась от алфавитного принципа в пользу гнездового²⁶. Однако в некоторых изданиях представлено совмещение этих двух принципов расположения фразеологических выражений (см., напр., “Краткий русско-немецкий фразеологический словарь”).

В словарях русской фразеологии (без переводов фразеологизмов на другой язык) преобладает алфавитный принцип, который представлен и во “Фразеологическом словаре русского языка” под редакцией Молоткова А.И. (далее ФСРЯ), первое издание которого вышло в 1967

г., второе – в 1978 г. Во вступительной статье А.И. Молотков таким образом сформулировал этот принцип: “Каждый фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов” (Молотков, 1978, с. 22). Такое решение алфавитного принципа облегчает поиски нужной фразеологической единицы (ФЕ).

В учебных словарях русской фразеологии находим сочетание алфавитного и гнездового принципов (см. “Краткий фразеологический словарь русского языка” В.И. Зимина). Лингвострановедческий словарь В.П. Фелициной и Ю.Е. Прохорова сочетание этих принципов представляет в другом варианте. Авторы пошли по пути разработки системы указателей справочно-вспомогательных списков словарных единиц, призванных помочь учащемуся облегчить поиск нужных афоризмов для различных познавательных-методических целей. И если словарь построен по алфавитному принципу, то в указателях нашел реализацию не только гнездовой принцип (под стержневым словом собраны все соответствующие словарные единицы), но и принцип тематический: словарные единицы сгруппированы в соответствии с их общей смысловой доминантой.

Методическое назначение учебных словарей русской фразеологии предполагает критерии отбора материала для его лексикографического описания.

1. Очевидно, что в такие словари должен включаться фразеологический материал, отвечающий главной методической задаче или установке данного лексикографического издания. Имеются в виду цели, задачи, этап обучения; сюда же относится и тематическая направленность словаря.

2. При отборе фразеологических выражений необходимо учитывать коммуникативную значимость ФЕ в современном русском языке, в современном литературном речевом обиходе.

Осуществление этого критерия в значительной степени затрудняется тем обстоятельством, что русская фразеология не подвергалась статистическому анализу. Исследование коммуникативной значимости фразеологизмов только еще начинается²⁷. На этой основе приступают к разработке фразеологического минимума²⁸.

Между тем при отборе фразеологизмов, исходя из их коммуникативной значимости можно пойти по пути установления частотности их лексических компонентов (из-за отсутствия частотных словарей русской фразеологии).

3. В решении этого вопроса существенную помощь может оказать

и учет такого момента, как принадлежность фразеологизма к “центру” или “периферии” современного русского литературного языка. В.Г. Гак и Я.И. Рецкер считают спорным вопрос о включении в словник “фразеологизмов, относящихся к “периферийным” сферам языка: архаизмов, арготизмов, терминов и др.” (Гак, Рецкер, 1963).

Принимая во внимание методическую значимость принципа минимизации представления изучаемого языка, данный критерий целесообразно максимально учитывать при отборе ФЕ.

4. Первостепенное значение имеет и методическая обоснованность словника, выражающаяся, с одной стороны. В актуальности для данного этапа и профиля обучения лексического состава, представленного в ФЕ, его соотношение с соответствующими лексическими минимумами, с другой стороны, в грамматической структуре фразеологизмов, включаемых в словарь. Необходимо учитывать знакомство учащихся соответствующего этапа и профиля обучения с грамматической структурой фразеологизмов, освоение учащимися тех морфологических форм и категорий, тех синтаксических связей, конструкций, которые содержатся в привлекаемых в словарь ФЕ.

Следует строго учитывать страноведческую, вообще культурологическую (в том числе лингвострановедческую) актуальность или целесообразность фразеологизмов. Говоря обобщенно, при отборе фразеологизмов для учебного словаря на первый план выдвигаются два принципа: принцип методической целесообразности и принцип коммуникативной значимости (или “ценности”) ФЕ.

Последний принцип понимается двояко. Имеется в виду: а) важность, значимость ФЕ для общелитературного речевого обихода (высокая степень употребительности или значительность того понятия или ситуации, которые выражаются при помощи данного фразеологизма, семантическая емкость ФЕ), б) актуальность фразеологизма для той специализированной сферы речевой коммуникации, которая является предметом обучения иностранного (вообще нерусского) учащегося, например, при обучении студентов-нефилологов, при обучении деловой переписке и переговорам, чтению технической документации и т. п.

В связи с этим, последним осмыслением принципа коммуникативной значимости целесообразно пойти на включение в словник таких фразеологизмов, которые представляются актуальными при обучении русскому языку учащихся узкой профессиональной специализации, хотя они могут и не соответствовать критериям 2 и 3.

Словари русской фразеологии проблему словника решают, опира-

ясь на анализ “академической” лексикографии (толковых словарей русского языка, ФСРЯ), а также на анализ самих фразеологических оборотов (как в лингвострановедческом словаре В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова).

Большую проблему составляет структура словарной статьи. В отличие от “академической” лексикографии серьезную и углубленную разработку получает грамматическая характеристика ФЕ. Обращается внимание на раскрытие синтагматических связей ФЕ, их лексико-семантической сочетаемости, закономерностей синтаксических связей, а также на некоторые парадигматические отношения. Это имеет принципиальное значение в связи со стремлением учебных словарей отразить системный характер русской фразеологии.

Из парадигматики учебные словари фиксируют в основном синонимические отношения между фразеологизмами, включаемыми в словарь, а иногда и антонимические, как, напр., в “Словаре—справочнике по русской фразеологии” Р. И. Яранцева. Между тем, поскольку проблема фразеологической синонимии не имеет в научной литературе однозначного решения, соответствующий параметр словарной статьи в разных словарях представлен с разной степенью полноты и последовательности.

Некоторые словари включают в синонимические ряды и слова, что усиливает представление системных связей фразеологии со словарным составом. Этот момент особенно следует подчеркнуть, поскольку фразеология и словарный состав образуют единую лексико-фразеологическую систему языка. Выявление и раскрытие связей и соотношений внутри этой системы чрезвычайно важно в методическом плане при обучении русскому языку как иностранному.

Что касается “Словаря-справочника по русской фразеологии”, составленного Р. И. Яранцевым, то его следует квалифицировать как новый тип учебного словаря русской фразеологии.

Новизна его состоит в том, что это словарь тематический, вернее, тематико-ситуационный, поскольку здесь рассматриваются ФЕ, объединенные в своеобразные тематические и тематико-ситуационные группировки по общей для них семантической (смысловой) доминанте.

Принципиально новым является то обстоятельство, что автор словаря идет не только от семантики ФЕ (как это принято в “академической” лексикографии и сложилось в большинстве учебных словарей), но и от темы или ситуации, которая находит определенное выражение в

объединенных в данной рубрике фразеологизмах. При этом нередко один и тот же фразеологизм может быть помещен в разные разделы в зависимости от ситуации употребления. Напр., см. фразеологизмы “не укладывается в голове [в сознании]” в разделах “Недоумение. Удивление. Изумление” и “Негодование. Возмущение. Гнев”, “ни бельмеса” в разделах “Насмешка. Пренебрежение. Презрение” и “Отрицание. Отказ. Несогласие. Возражение”.

В Словаре-справочнике, как очевидно, осуществляется прогрессивный и весьма плодотворный принцип активной методики (принцип функциональной подачи учебного материала) в обучении иностранному, вообще неродному языку, выдвинутый в свое время академиком Л. В. Щербой, по мнению которого в активной грамматике “необходимо исходить из потребностей, ищущих себе выражения мыслей, приказаний, желаний и т. п.” (Щерба, 1974, с. 93)

Такая ориентация данного словаря во многом определяет принципы, способ подачи и характер лексикографического описания собранных здесь фразеологизмов. Отбор ФЕ, общая классификация, внутренняя организация подсказана практическим опытом и методической целесообразностью презентации учебного материала учащимся продвинутого этапа обучения, которые сравнительно хорошо владеют русским языком. Этот словарь рассчитан и на преподавателей, которые могут использовать его материалы (в такой лексикографической интерпретации) для разнообразных методических целей.

Принцип расположения материала в Словаре-справочнике тематический: фразеологический материал распределяется по 47 рубрикам. Для облегчения поисков нужной ФЕ предложены тематический и алфавитный указатели.

Наибольший интерес вызывает развернутая структура словарной статьи, включающая тринадцать параметров, по которым описывается фразеологизм. Такое описание значительно расширяет информацию о ФЕ по сравнению с “академической” лексикографией.

Словарь-справочник дает прямые указания или рекомендации, в каких случаях, с какой целью, с какой стилистической окраской, эмоционально-экспрессивной оценкой используется или может быть использована ФЕ.

Ситуативные характеристики (самые общие и очень сжатые) sporadически встречаются во фразеологических словарях. В Словаре-справочнике Р. И. Яранцева указание на развернутую ситуацию при характеристике фразеологизма номинативного плана выступает в

качестве обязательного параметра.

Заслуживает самого пристального внимания введение в словарную статью грамматико-синтаксического комментария, описывающего синтаксические позиции, в которых употребляется фразеологизм, обязательные и факультативные синтаксические связи, особенности лексико-грамматической дистрибуции в связи с выражением известной темы, обозначением ситуации и т. п. Нередко перечисляются те слова, указываются те определенные семантические группы, с которыми данная ФЕ имеет синтагматические связи. Все это усиливает методическую направленность издания, подчеркивает коммуникативно-функциональный характер Словаря-справочника.

Обращает на себя внимание краткая обобщающая семантическая и эмоционально-экспрессивная характеристика всех фразеологизмов, входящих в один раздел, которая дается непосредственно перед словарными статьями.

Формально такие характеристики выведены за рамки словарной статьи и в то же время являются как бы ее частью, поскольку семантизация каждой ФЕ конкретизирует обобщающую формулировку. Такая “преамбула” расширяет возможности лексикографической информации в учебных словарях.

Словник Словаря-справочника ориентирован на ФСРЯ, в котором уже произведен отбор наиболее значимых в понятийном и коммуникативном отношении ФЕ. Словарь-справочник ориентируется на ФСРЯ и в выборе основного варианта фразеологизма. Данный словарь связан с ФСРЯ и содержательно: в тех случаях, когда составитель дает лишь те значения ФЕ, которые актуальны для определенной темы или ситуации, за полной информацией о семантической структуре такой ФЕ он отсылает к ФСРЯ.

Однако такая ориентированность на ФСРЯ не лишает Словарь-справочник самостоятельности как лексикографическое учебное издание нового типа.

Конечно, настоящее издание следует рассматривать как первый опыт описания русской фразеологии в тематико-ситуационном аспекте. Эта тема требует дальнейшей лексикографической и методической разработки, направленной на совершенствование словарной организации фразеологического материала.

Вместе с тем анализ структуры словарной статьи, ее обязательных и факультативных компонентов, разработка семантизации ФЕ, их грамматической характеристики, лексико-синтаксической дистрибуции, отчасти стилистической характеристики, значительной части

иллюстративного материала, организации словника: классификация всего массива по общим и главным образом по частным рубрикам (что составляет немалые трудности в связи с семантическими и в основном, эмоционально-экспрессивными особенностями русской фразеологии); система ссылок, рациональных указателей и др. позволяет уже сейчас считать “Словарь-справочник по русской фразеологии” Р. И. Яранцева оригинальным лексикографическим трудом, новым типом учебного фразеологического словаря.

Литература

Пермяков, 1971 – Пермяков Г.Л. Паремииологический эксперимент. Материалы для паремииологического минимума. Полторы тысячи русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи. М., 1971.

Верещагин, Костомаров, 1979 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре. – В кн.: Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М., 1979.

Гак, Рецкер, 1963 – Гак В., Рецкер Я. О французской фразеологии и францужско-русском фразеологическом словаре. – В кн.: Францужско-русский фразеологический словарь. М., 1963.

Щерба, 1974 – Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. 2-е изд. М., 1974.

Молотков, 1978 – Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка, изд. 2. М., 1978.

Лингвистическая экспертиза по документационным и информационным спорам и словарям²⁹.

Как очевидно, лингвистическая экспертиза представляет собой герменевтическое исследование текста. Это по существу филологическое, “медленное чтение”, предполагающее, как говорил выдающийся русист профессор Г.О.Винокур, умение читать “все написанное, напечатанное, сказанное” так, “чтобы не оставалось никаких сомнений относительно смысла прочитанного” (см. Гиндин, 2000, с. 131). И конечно, такое чтение принципиально отличается от обычного в житейской практике чтения с целью ознакомиться с содержащейся в данном тексте информацией тем, что это чтение профессиональное, чтение

специалиста в области стилистики и истории языка, на котором написан текст, и в области культуры народа–носителя данного языка.

“Если слово понято неверно, – писал Г.О. Винокур в работе “Поэзия и наука”, – т.е. в противоречии с теми данными, какими мы располагаем для его интерпретации, то никакая мерка “субъективности” и “импрессионизма” не спасет соответствующее толкование от того, чтобы просто вычеркнуть его из памяти” (Винокур, 2000, с. 102).

Среди инструментария лингвистического анализа предлагаемых для экспертизы текстов важное место занимают словари.

Для практической работы лингвистов-экспертов в исследовании спорных текстов, их фрагментов, особенно отдельных слов, выражений, на которые обращено внимание в запросах на лингвистическую экспертизу, весьма актуальным представляется сразу определить два ограничения в выборе лексикографического издания.

1. Принципиально важно – из соображений фактологической, историко–лингвистической, культурно–исторической, а значит, – научной корректности, точности лингвистического анализа (в том числе – в первую очередь семантического и лингвостилистического), а также текстологического анализа – избегать внеисторического подхода к выбору словаря.

Имеется в виду, что для лингвистического анализа современного текста, отдельных слов и выражений, употребляемых в современном тексте, необходимо использовать те словари, в которых находит отражение современное состояние лексики и фразеологии русского литературного языка, современное словоупотребление, а также активная, актуальная часть той лексики и фразеологии, которая – за рамками литературного языка и/или на его периферии, однако достаточно активная в современной речи, получающей “выход” в современных электронных и печатных СМИ, в публичной речи, в текущей беллетристике, в разговорной речи литературно–образованных людей (в сфере их неформального речевого общения). Это относится в первую очередь к речевым новациям последних 15–18 лет, к новым явлениям в области словоупотребления, в которых отражаются ведущие тенденции и процессы эволюции русского литературного языка в конце XX – начале XXI века.

Короче говоря, нецелесообразно при обосновании правильности/неправильности, нормативности/ненормативности употребления того или иного слова, фразеологизма (особенно, если говорится о его

стилистической характеристике, экспрессивно–оценочной окраске, а также о семантических оттенках) или при наблюдениях эксперта относительно каких–либо новых явлений в области словоупотребления (в том числе – в сфере лексической и грамматической сочетаемости), словообразования ссылаться на словари, отражающие лексику, словоупотребление прошлых эпох, в частности, на “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И. Даля (на его 1-е издание, вышедшее, как известно, в 60-х гг. XIX века, на 3-е и 4-е издания под ред. И.А. Бодуэна де Куртене, осуществленные в самом начале XX в.). Не корректны в этом плане и ссылки на “Толковый словарь русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова, поскольку он фиксирует состояние русской литературной лексики конца 20-х – 30-х гг. XX столетия; на первые издания “Словаря русского языка” С.И. Ожегова (конец 40-х – 60-х гг. прошлого века).

2. При характеристике конкретного слова (в меньшей степени – фразеологизма, поскольку фразеологическая лексикография в русской научной традиции разработана несравненно меньше, чем словарное описание лексического состава), особенно стилистической стороны слова, недостаточно ориентироваться или ссылаться только на какое–нибудь одно лексикографическое издание.

Это обусловлено тем известным каждому филологу обстоятельством, что в разных словарях, посвященных современному состоянию лексического состава (или лексике одной историко-лингвистической эпохи, исторического периода в развитии литературного языка), относящихся к одному типу (например, толковые словари) или к словарям, близким по некоторым задачам, целям лексикографической презентации словарных единиц (например, толковые и двуязычные словари), наблюдается разнობой, различия в описании семантической структуры одной и той же словарной единицы (заголовочного слова) и особенно стилистической характеристики слова (это относится также к ограничительным пометам, отражающим особенности употребления слова в некоторых грамматических формах, при некоторых смысловых ограничениях, основные линии сочетаемости данного слова).

Такая ситуация в словарном описании лексического состава (и не только в русской лексикографии) объясняется, во–первых, тем, что, по признанию академика В.В. Виноградова, “совершенных... идеальных словарей, по–видимому, не бывает” (Виноградов В.В., 1966, с. 3).

Во-вторых, словари составляются конкретными исследователя-

ми языка, его лексического (лексико-фразеологического) состава, имеющими разные представления (впрочем, в полном соответствии с современным уровнем лингвистического знания) о состоянии литературных норм, о функционально-стилистической стратификации лексики и фразеологии в современном литературном языке, о его функционально-стилевой и жанровой дифференциации, о соотношении литературного языка (его лексико-фразеологического состава) с внелитературной сферой национального языка, по-разному анализирующие и – что особенно существенно – по-разному квалифицирующие стилистическую сторону и семантическую структуру конкретных единиц словарного описания.

Различия особенно в стилистической интерпретации единиц словарного описания в научной литературе отмечаются давно. Так, еще в 50–х гг. XX в. О.С. Ахманова на базе сопоставления 17-томного “Словаря современного русского литературного языка”, т.1, М.–Л., 1950 (БАС), “Словаря русского языка” С.И. Ожегова, изд. 2, М., 1952 (СО), “Толкового словаря русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова, М., 1935–1940 (Сл.Уш.), “Русско-английского словаря”, под общим руководством А.И. Смирницкого, М., 1952 (Сл.См.), “Русско-французского словаря”, под ред. Л.В. Щербы, М., 1939 (Сл.Щ.) на убедительном фактическом материале показала различия в стилистической квалификации слов разговорной речи, которые наблюдаются в лексикографических изданиях, отражающих состояние лексики компактного временного отрезка.

Например:

	БАС	СО	Сл.Уш.	Сл.См.	Сл.Щ.
длин	длин - длин	длин - длин	длин длин	длин - длин	длин - длин
длин	длин - длин - длин	длин - длин - длин	длин длин	длин - длин - длин	длин - длин
длин - -	длин - длин	длин - длин - длин	длин	длин длин - длин	длин

(См. Ахманова О.С., 1958 г.). Аналогичная ситуация наблюдается и в современных словарях русского языка.

Что касается различий в интерпретации семантической структуры слов, ограничусь указанием на толкование глагола итти (идти) в Сл.Уш. и в “Словаре русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой, т. 1, М., 1957 (МАС–1): в Сл.Уш. дано 40 значений, в МАС–1 – 25 значений этого слова. Очень поучительны многочисленные замечания в работах В.В. Виноградов относительно презентации в словарях современного русского языка конкретных слов и выражений, их семантических структуры, стилистической характеристики, парадигматических и синтагматических словообразовательных связей.

Необходимо также учитывать (особенно в связи с выходом в свет первых томов “Русского семантического словаря” под ред. Н.Ю. Шведовой) состояние, возможности лексикографической презентации лексики, возможности более или менее адекватного и последовательного отражения системных отношений лексического состава, основных параметров функционирования конкретных лексических единиц в современной речевой коммуникации носителей литературного языка в соответствии с действительным положением этих единиц в стилистической стратификации современного литературного языка.

В вопросах заказчиков лингвистических экспертиз относительно отдельных слов и выражений фигурируют:

1) лексико–фразеологические единицы, традиционные, сравнительно давно функционирующие в русском литературном языке, обладающие стабильной, устойчивой семантикой, со сложившейся стилистической характеристикой, вполне освоенные общелитературном употреблением. Здесь имеются в виду и единицы “основного словарного фонда” (если воспользоваться старинным термином) и иноязычные заимствования, и “внутренние” заимствования из вне-литературной сферы русского национального языка (диалектизмы, жаргонизмы), а также те специальные термины, которые получили широкое распространение в общелитературном употреблении.

2) новые речевые явления:

– недавние иноязычные заимствования: варваризмы (тинейджер, чунгам, герла, спонсор), “внутренние” заимствования в литературном языке (главным образом – из жаргонов), не освоенные общелитературным употреблением и/или уже подвергшиеся процессу приспособления к литературному языку (косяк, компра, глюк, отморозок, разборка,

беспредел), неологизмы: лексические (коммуняки, скоμμуниздить, офигенный, нетленка, неслабо), семантические (бугор, кинуть, бык), выразительны экспрессивно насыщенные окказиональные образования преимущественно инвективного характера (дерьмократы, прихватизация, ваучеризация).

При анализе слов первой группы можно обращаться и к “несовершенным” словарям (имеются в виду прежде всего толковые словари) – к Словарю Ушакова, к 17-томному “Словарю современного русского литературного языка”, даже к Словарю Даля и “Словарю русского языка” Грота–Шахматова. Это связано с тем, что слова данной группы имеют устойчивую семантику, устойчивые, давно сложившиеся коннотации, экспрессивную окраску, социальные и экспрессивно-эмоциональные оценки, закрепленные традицией употребления в речи целого ряда поколений (вплоть до нынешнего) носителей русского литературного языка.

Самим фактом обращения к таким словарям эксперт подчеркивает традиционность, устойчивость, константный характер данного понимания, осмысления рассматриваемого слова (или фразеологизма) в русском литературном языке (при этом – для подтверждения актуальности, действительности именно такого семантического и стилистического облика данного слова в настоящее время – рекомендуется сослаться на словари, регистрирующие словоупотребление “наших дней”, современной эпохи). Таковы, например, слова вотчина (в “прямом” – историческом, и переносном – что актуально для современности – значениях), игра (в том числе и при употреблении во множественном числе – игры – в значении “интриги”, “тайные замыслы”), клика, преступник, преступный, некий, какой-то, захватить, посягнуть, попрыгать, терзать, надувать (в значении “обмануть, провести”) и т.д., описание которых можно взять из Словаря Ушакова или из БАС (приведенные здесь слова – из текстов, предложенных на лингвистическую экспертизу); устойчивое сочетание черное золото (совершенно обоснованно в одной из экспертиз – см. “Цена слова”, 2002, с. 60 – эксперты воспользовались толкованием этого фразеологизма в БАС).

Работа с лексико-фразеологическими единицами второй группы – с речевыми новациями рубежа XX–XXI вв., – предполагает профессиональную ориентированность экспертов, во-первых, в русской речевой коммуникации последних 15–20 лет, (в том числе и в литературе вопроса; во-вторых, в словарях разных типов, в которых (словарях)

находит отражение современное словоупотребление.

Работа со словарями в связи с ответами на вопросы, поставленные заказчиком экспертизы, имеет два аспекта.

Первый аспект определяется вопросами, в которых прямо спрашивается, что значит, какие значения имеет то или иное слово (иногда спрашивают о смысловом содержании какого-либо понятия), фразеологизм, словосочетание (нередко формулируется дополнительный вопрос относительно стилистической характеристики, экспрессивной окраски, оценки, других выразительных свойств соответствующей лексико-фразеологической единицы или словосочетания).

Другой аспект работы над лингвистической экспертизой, несравненно более сложный и наиболее ответственный, предполагает интерпретацию предложенного для экспертизы текста, его фрагментов, отдельных слов, фразеологизмов, словосочетаний. По существу речь идет о содержательном и лингвистическом анализе текста, составляющих его частей (фрагментов) и лексико-фразеологического материала. При этом, как очевидно, необходимо исходить из того, что

– а) каждая языковая деталь текста воспринимается и оценивается в контексте того целого, что образует данный текст, а также в рамках микроконтекста (непосредственного фразового, абзацного окружение слова, словосочетания, конкретного предложения);

– б) языковые единицы (особенно слова, выражения) в контексте с другими языковыми средствами рассматриваемой публикации (текста вообще) приобретают, могут приобретать дополнительные смыслы, стилистические оттенки под влиянием макро- и микроконтекста данного речевого произведения в развитие тех значений и стилистических свойств, качеств, экспрессивно-оценочной окраски, которые у них сложились в современном русском языке. Сложившиеся в литературном языке семантика, стилистика, словесные и грамматические связи лексико-фразеологических единиц, общие контуры их употребления, орфоэпический облик, особенности грамматического оформления в типических контекстах и ситуация современной речевой коммуникации регистрируются в словарях разных типов, в академической грамматике, в разного рода лингвистических справочниках.

В целях точности и определенности ответа относительно семантики и стилистической характеристики слов, выражений, интересующих заказчика экспертизы (или рассмотрение лексико-фразеологических единиц диктуется требованиями проводимого экспертом анализа), логично и естественно обращение к толковым словарям, словарям терминологи-

ческим и/или энциклопедическим (если речь идет о специальном термине), к фразеологическим, к словарям неологизмов, жаргонной лексики и фразеологии (если рассматриваются жаргонизмы).

Если рассматриваются слова первой из намеченных выше групп, т.е. слова с традиционной семантикой и сложившейся, устойчивой стилистической характеристикой, возможно обращение к “несовременным” словарям. Так, например, в экспертизе № 11 (см. Цена слова, с. 86) в ответе на вопрос: “Каково значение слова блядь в современном русском языке, является ли оно оскорбительным?” эксперт приводит данные не только толковых словарей, отражающих современное словоупотребление, но и цитирует 3–е издание Словаря Даля, вышедшее в свет в 1903 г. (!), тем самым подчеркивая традиционность, стабильность и семантики и стилистики этого слова в современном русском языке. В ответе на запрос “Страхового общества СНГ” “дать официальное толкование понятий “единственный” и “единый”” эксперт опирается на формулировки значений слов единственный и единый в Сл. Ушакова и в МАС–1; для подтверждения же актуальности семантики этих слов в настоящее время использованы показания “Толкового словаря русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, М., 1997 (ОШ–97 и “Словаря паронимов русского языка” Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой, М., 2002 (Сл. пар.). Между прочим, в экспертизе № 29 (“Цена слова”, с. 166) в толковании слов браконьерский и браконьерство, хотя они относятся к “традиционной” лексике, приводится только “современный” “Русский толковый словарь” В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (М., 1998): “_Браконьерство_... Охота или ловля рыбы в запрещенных местах, в запрещенное время, запрещенным способом, а также недозволенная порубка леса” (с. 32), поскольку семантика этих слов модифицировалась в сторону уточнения дефиниции по сравнению с 30-ми гг. XX в., когда был издан первый том Словаря Ушакова (ср.: Сл. Уш., т.1, М., 1935, стлб. 180: “Браконьер... Человек, занимающийся недозволенной охотой на чужой земле. Браконьерство... Занятие браконьера”; СО, М., 1949, С. 44: “Браконьер... Тот, кто незаконно охотится на чужой земле или в запрещенных для охоты местах”; “Браконьер... Тот, кто занимается браконьерством... МАС–1, т. 1, М., 1957, с. 133: Браконьерство... Охота в запрещенных местах в запрещенные сроки или запрещенными способами”).

Конечно, справка о словоупотреблении “наших дней”, о новых лексико–фразеологических единицах (в том числе о жаргонизмах и варваризмах, получивших известное распространение в современной речевой коммуникации), а также о словах и устойчивых сочетаниях,

приобретших новое осмысление и/или экспрессивную окраску, основывается на показаниях только тех лексикографических изданий, которые посвящены новым явлениям в области лексики и фразеологии или в которых (как например, в ОШ) такие речевые факты последовательно фиксируются. См., например, в экспертизе (“Цена слова, изд. 2) при объяснении устойчивого сочетания черный нал, глагола прокручивать/прокрутить в новом значении эксперт ссылается на “Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения”, под ред. Г.Н. Скляревской, СПб, 1998 (Сл.Скл.), см. в экспертизе № 8 – соответственно толкование новых устойчивых сочетаний теневая экономика – из ОШ–97, с. 737; теневой бизнес – из Сл. Скл., с. 85; глагола отмыть/отмывать в новом значении ‘легальным образом истратить незаконно нажитые деньги, средства’ (прост) – ОШ–97, с. 475 (ср., впрочем, более точное толкование и дифференцированное описание глагола в толковом словаре русского общего жаргона “Слова, с которым мы все встречались” О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной, под общим руководством Р.И. Розиной, М., 1999 (Сл. ЕЗР): “Отмыть/ся... Часто презр... 1. О деньгах, грязным деньгам, полученным незаконно, придать вид полученных законно, сделать “чистыми”, проведя их по каким–н. документам” – с. 138–139), выражения отмыть/отмывать (грязные) деньги – в Сл. Скл., с. 201.

Относительно работы со словами с связи с вторым из намеченных здесь аспектов анализа текстов, предлагаемых заказчиками лингвистических экспертиз, важно обратить внимание на следующее обстоятельство.

В лингвистических экспертизах, “запросы на которые” обусловлены судебными исками по защите чести, достоинства и деловой репутации “героев” журналистских материалов, или являющимися обращением органов СМИ в связи с информационным спором вокруг определенной публикации, чаще всего ставятся вопросы относительно стилистической (экспрессивно-оценочной) характеристики и смыслового содержания отдельных слов, фразеологизмов в контексте известного, указанного в запросе фрагмента данной публикации или публикации в целом – в связи с выяснением этической и/или юридической корректности, выражаемой данным словом, фразеологическим оборотом, словосочетанием оценки, характеристики объекта высказывания, персонажа журналистского материала – конкретного лица (лиц) или целого госучреждения, частной фирмы и т.п.

В ходе экспертизы, речь идет, таким образом, об интерпретации конкретного текста, его фрагментов и отдельных (обычно ключевых,

опорных для данного текста) лексико-фразеологических единиц.

При анализе стилистической, экспрессивно-оценочной, характеристики и/или смыслового содержания (прежде всего лексико-семантической стороны) слова, а также фразеологизма, свободного словосочетания, на которые обращает внимание заказчик экспертизы, и тех лексико-фразеологических единиц, которые оказываются важны эксперту по ходу анализа предложенного текста, эксперт проводит микроисследование спорного текста, употребление в нем лексико-фразеологических единиц (и тех, относительно которых поставлены вопросы “заказчиком”, и тех, которые нужны для полноты анализа текста, для убедительного, обоснованного ответа на вопросы, поставленные в “запросе на лингвистическую экспертизу”) в контексте данной публикации и – это главное – в связи с оценкой, характеристикой конкретных лиц.

В силу сказанного о специфичности (адресная конкретизация) исследуемых текстов, лингвостилистического и смыслового анализа отдельных лексико-фразеологических единиц таких текстов в лингвистических экспертизах по исковым заявлениям о защите чести, достоинства и деловой репутации должно быть ясно, что лингвистические словари могут быть только подспорьем в лексико-семантическом и стилистическом исследовании, проводимом экспертом. Это обусловлено тем, что в словарях дается смысловая структура слова, фразеологизма в обобщенном виде и – главное – обобщенная стилистическая характеристика (иногда обобщенная социокультурная характеристика), а также его основные “базовые” системные (парадигматические), синтагматические, идеографические, словообразовательные связи и соотношения с другим лексическими (и фразеологическими) единицами.

Вместе с тем – и это очевидно – лингвистические словари, как и словари энциклопедические, терминологические, не ориентированы на судебно-юридические ситуации, не приспособлены (это и не входит в их задачи) к юридическим квалификациям (для чего есть специальные правовые кодексы и другие издания).

Словари лишь помогают сориентироваться исследователю в общей характеристике рассматриваемых в экспертизе лексико-фразеологических единиц, функционирующих в конкретном тексте, в определенном фразовом окружении, в известном содержательном и экспрессивно-эмоциональном контексте. Ведь использование данного слова, фразеологизма в спорном тексте принимается как проекция его функционирования в литературном языке.

Учитывая все эти и подобные превосходящие моменты использования слова, фразеологизма в данном тексте, исследователь, ориентируясь на “общие”, обобщенные характеристики смысловой и стилистической (отчасти социокультурной) характеристики изучаемого слова, сложившиеся в современной речевой коммуникации (и в исторической перспективе существования русского литературного языка) приходит к определенному выводу о лексико-семантических и стилистических, экспрессивно-эмоциональных, оценочных свойствах рассматриваемой единицы в данном, конкретном тексте, относительно возможных авторских адресных интенций, вплоть до откровенных инвектив.

Вот иллюстрации анализа отдельных слов и фразеологизмов в лингвистических экспертизах, опубликованных во 2-м издании книги “Цена слова”, подтверждающие сказанное о специфических чертах и “тонкостях” лексико-семантического и стилистического исследования предложенного заказчиком экспертизы текста, его фрагментов и/или отдельных лексико-фразеологических единиц.

См., как интерпретируется слово спекулянт в экспертизе № 2: “Фрагмент (а): “...по иску гр. Григорьянца С.И. этому спекулянту картинами и иконам... возвращаются 5 икон...”

В данном фрагменте слово спекулянт употреблено в значении: “Человек, который занимается спекуляцией, скупкой и перепродажей имущества, ценностей с целью наживы” (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 754). Другое – не-оценочное – значение этого слова в этой фразе невозможно, поскольку оно предполагает другую сочетаемость, например: спекулянт акциями, облигациям; спекулянт на фондовой бирже. Однако в статье А. Бобров использует словосочетание спекулянт картинами, которое однозначно относит употребление слова спекулянт к значению: “Человек, который занимается спекуляцией, скупкой и перепродаже имущества, ценностей с целью наживы” (с. 38).

В экспертизе № 7 представлен интересный и весьма показательный способ интерпретации слова, не зафиксированного словарями, регистрирующими лексические единицы, уже ставшие достоянием литературного языка, через его (данного слова) “литературный” синоним:

“В тексте использован разговорный экспрессивный глагол прокачивать (“десятки фирм... прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам”); такое значение глагола прокачивать еще не отмечено в словарях современного русского языка, однако очевидно, что в данном контексте прокачивать – синоним глагола прокручивать – прокрутить.

См. значение глагола прокрутить: “Прокрутить... Разг.(оворное). Незаконно использовать чьи–л. деньги в качестве высокопроцентных ссуд, инвестиций и т.п. для получения прибыли, задерживая их выплату клиентам, ...министерства и ведомства... бесконтрольно прокручивали остатки средств на счетах этих фондов через коммерческие структуры. МН <Московские новости>, 22.05.94–29.05.94. Куда более выгодно собранные средства пайщиков придержать, прокрутить в банке, не спеша тратить по назначению... Огонек, 1996, 6” (Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения. СПб., 1998, с. 516). См. также одинаковую сочетаемость прокрутить через структуры и прокачать через себя” (с. 63–64).

Типичен анализ высказывания группа, обрабатывающая заказ и особенно слова заказ в “Заключении кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова”. В запросе просят “дать заключение о том, может ли “данное высказывание”, отнесенное к средству массовой информации, рассматриваться как порочащее выражение (без конкретизации упомянутого в высказывании “заказа”)”. В “Заключении” кафедры читаем:

“Согласно наиболее авторитетному из современных справочных издания Толковому словарю русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. (М., 1997) ни слово “заказ” в значении “выполнение порученного кем–либо дела”, ни слово “отработать” в значении “возместить трудом” не сопровождаются стилистическими пометами, характеризующими эти слова как отрицательные номинации.

Применительно к средствам массовой информации слово “заказ” не содержит каких–либо отрицательных коннотаций (дополнительных значений). Речь может идти о социальном заказе, о заказе рекламной публикации, о заказе статьи автору. Но поскольку понятие “заказ” в данной фразе не конкретизировано, в этой фразе не содержится информации, порочащей деловую репутацию средства массовой информации” (с.99).

В лингвистической экспертизе текста “Черная вдова” (“Комсомольская правда”, 15.01.2002 г.) обращает на себя внимание интерпретация слова колдунья применительно к контексту соответствующей фразы данного очерка.

Вопрос 4: В абзаце (цитируем): “О Полине Федоровне Поповой из Чебоксар чего только не говорят. Она и “черная вдова”, и колдунья – 60 лет уж, а все хорошеет”, является ли слово колдун – колдунья языковой единицей, несущей ярко выраженную негативную характери-

стику? Имеется ли в данном абзаце прямое утверждение, что Попова А.Я. – колдунья?

В современных толковых словарях русского языка фиксируется три значения слов колдун, колдунья: 1. В народных поверьях, сказках: волшебник, чародей (обычно злой). Заклятье, чары колдуна. 2. Человек, занимающийся колдовством, с помощью магической силы воздействующий на людей, животных. К. насылает, снимает порчу. Белый к. (народный целитель, владеющий тайнами белой магии). Черный к. (владеющий тайнами черном магии). 3. мн. Маленькие пирожки с жирной проперченной мясной начинкой.

По смыслу толкования слова колдовство (см. второе значение слова колдун) слово колдунья может употребляться (и употребляется) в переносно–метафорическом значении – “женщина, очаровывающая своей красотой, обаянием”.

Контекст приведенного в вопросе № 4 предложения подразумевает именно это переносное употребление слова “колдунья”, ср. также ниже: “Сергей навещал 30-летнюю вдову, природной красоты которой не смог скрыть даже ее черный платок”.

Из сказанного следует, что негативной экспрессии в предложении, приведенном в вопросе № 4, нет.

Утверждение о том, что А.Ф. Попова – колдунья, в анализируемой фразе содержится с ссылкой на то, что так говорят многие – “чего только не говорят”. Таким образом, авторы публикации приписывают это утверждение неограниченному количеству источником информации (чего только не говорят = говорят многие и говорят разное)...” (Теория и практика, 2002, с. 83).

Приведенные иллюстрации показывают, как анализируется употребление отдельных слов известного текста, исходя из их использования в данном конкретном тексте при ориентации на показания лингвистических словарей относительно рассматриваемых лексических единиц.

В анкетах участников семинара среди актуальных тем названа такая:

“следует ли определить и каким-то образом официально закрепить единый перечень словарей и справочников, допущенных к использованию в целях судебной экспертизы” (Там же, с. 32).

Как представляется, такой список словарей, видимо, чисто технически нельзя установить, поскольку постоянно появляются все новые и новые словари. Среди этих словарей есть лексикографические издания традиционных типов и нетрадиционные по своему составу,

принципам, назначению, профессионально, грамотно исполненные и сделанные любительски... Так, мне известно, что в настоящее время готовится к печати или находится в производстве целый ряд словарей, например, Фразеологический словарь современного русского языка, Толково–энциклопедический словарь современного русского языка (судя по всему некая новая разновидность толкового словаря), очень интересный по своей структуре однотомный Толковый словарь современного русского словаря, в словарной статье которого последовательно указаны парадигматические связи заголовочного словаря и т.д.

Привлекать ли к работе над экспертным заключением тот или иной словарь (словари), решает сам эксперт или бригада экспертов в зависимости от вопросов, поставленных в “запросе”, от лексико-семантических, стилистических, социокультурных и других особенностей тех слов, фразеологизмов, которые надо интерпретировать, а также от тех проблем и задач, которые возникают по ходу лингвистического анализа рассматриваемых лексико–фразеологических единиц, текста в целом или его фрагментов.

Выбор лексикографических изданий в конце концов определяется уровнем, степенью профессиональной, лингвистической компетентности эксперта, от его ориентированности в лексикографических изданиях, в особенности – современных, от его умения извлекать необходимую информацию о слове, фразеологизме из словарного издания.

Что касается выбора авторитетных лексикографических изданий, то позволю себе остановиться на двух современных словарях.

Это “Русский семантический словарь” (РСС) под общей редакцией акад. Н.Ю. Шведовой (в 6 томах), М., “Азбуковник”, Т. 1, 1998; т. 2, 2000 (он имеет подзаголовок: “Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений”) и “толковый словарь русского общего жаргона” “Слова, с которыми мы все встречались” О.П. Ермаковой, Е.А. Земской и Р.И. Розиной, под общим руководством Р.И. Розиной (Сл. ЕЗР), М., “Азбуковник”, 1999 – словарь преимущественно жаргонных слов, получивших известное распространение в литературных текстах (главным образом в текстах СМИ) в последнее десятилетие XX века (детальная характеристика структуры и принципов лексикографической презентации словарных единиц в этих словарях, а также оценка их значения для теории современной лексикографии, для практической разработки принципов и методики словарного описания лексико–фразеологических единиц современного литературного языка дана на с. 98 – 117 наст. изд., см. также рецензию

И.К. Сазоновой – “Вопросы языкознания”, 2000, № 2).

Если кратко охарактеризовать РСС (имея в виду его первый том) применительно к задачам и проблемам, стоящим и встающим в ходе лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах, необходимо обратить внимание на следующее:

1. При алфавитном способе расположения единиц описания (как это сложилось в традиционной лексикографии) наблюдается несоответствие между теоретическим, по существу априорным, декларативным, признанием системности лексического состава и ее (системности) выявлением в словарном тексте (на практике, в реальном словарном тексте в ходе их описания системные связи заголовочных слов выясняются крайне непоследовательно, неполно, недостаточно точно).

2. В целях преодоления отмеченного несоответствия, в поисках такой лексикографической презентации словесного материала, при которой последовательно, непосредственно в ходе презентации каждой словесной единиц, наглядно, точно, с максимальным учетом системных и коммуникативно–функциональных характеристик заголовочного слова выяснялись бы а) системные связи заголовочных слов, б) основные параметры их функционирования (в том числе лексико–семантическая и стилистическая характеристика слова) в современной речевой коммуникации носителей литературного языка, авторы РСС отказались от алфавитного способа расположения материала.

3. Одним из основных принципов концепции РСС является принцип системной организации словесного материала в его иерархической многоступенчатой классификации от исходных макроклассов к лексико–семантическому ряду как последней, далее неделимой группировке единиц описания (“конечной единицы лексического древа”). В лексико–семантическом ряду единицы описания (“словозначения”) находятся “в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности” (РСС, т. 1, с. X).

4. Для целей лингвистического анализа текстов СМИ в аспектах судебной экспертизы и информационных споров принципиальный интерес и значимость представляют, во–первых, лексико–семантические ряды. Они занимают в Словаре центральное место как та квалификационная категория, в которой непосредственно осуществляется описание словарных единиц и находят реализацию принятые авторами принципы и способы лексикографической презентации словесного материала.

Во-вторых (и это самое существенное), среди лексико-семантических рядов выделяются такие, в структуре которых – как один из вариантов соотношения единиц внутри лексико-семантического ряда – а) слова, заключающие в своем значении отношения к называемому, его оценку, обращены к нейтральному слову, которым “возглавляется” данный лексико-семантический ряд (см. там же).

Например: лексико-семантический ряд, обозначенный в Словаре как “пьянство” (по принятой в РСС классификации – 13;46). Доминанта (нейтральное слово) этого ряда пьяница – “Человек, к-рый постоянно и неумеренно пьянствует”. К нему “обращены” характеризующие (стилистически окрашенные, оценочные) слова: “АЛКАШ... (прост, неодобр.). То же, что пьяница... БРАЖНИК... (устар.) Пьяница, гуляка... ВЫПИВОХА... Пьяница, алкаш... (прост., пренебр.)... ЗАБУЛДЫГА... (пренебр.) Опустившийся человек, горький пьяница. ОПИВАЛА... (устар. и прост.). То же, что пьяница. ПИТУХ... (устар. и прост.). Любитель выпить, пьяница, ПОДЗАБОРНИК... (прост.). 2. Опустившийся пьяница, часто валяющийся на улице, под забором... ПРОПОЙЦА... (прост.) Закоренелый пьяница, спившийся человек... ПЬЯНЧУГА... (прост., презр.). То же, что пьяница... ПЬЯНЬ... (прост., презр.). 2. То же, что пьяница... ЯРЫГА... и ЯРЫЖКА... 2. Беспутный пьяница (устар., прост.)...” (РСС, т.1, с. 108)

б) наряду с характеризующими словами, фигурируют нейтральные слова, в которых раскрывается денотативное (“предметное”) содержание обозначаемого, конкретизирующее, дифференцирующее “предметное” содержание доминанты данного лексико-семантического ряда.

Например, лексико-семантический ряд, в котором объединены слова (“словозначения”), обозначающие лицо “по владению богатством, большой или коллективной собственностью, крупным предприятием, землями” (по классификации РСС–17;67). Доминанта этого ряда БОГАТЫЙ–2. “Человек, обладающий большими деньгами, большим имуществом” (Там же, с. 139). К этому слову, вернее – к словозначению, “обращены” а) нейтральные слова, для которых в “БОГАТЫЙ”, заключена архисема “богатый состоятельный человек”: БАНКИР, БОГАЧ, ВОТЧИННИК, ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ, 2. ИМУЩИЙ, МАГНАТ – 2 “Крупный капиталист, богачи”, МИЛЛИАРДЕР, МИЛЛИОНЕР – “1. Обладатель денежных доходов, исчисляемых в миллион, миллионами денежных единиц”, МОНОПОЛИСТ – “1. Крупный владелец монополии, монополий”, МУЛЬТИМИЛЛИОНЕР, НЭПМАН, ОТКУПЩИК, ФИНАНСИСТ – “3. Владелец крупного финансового капитала, бан-

кир”; и б) характеризующие единицы: “БАРОН... 2. перен. Крупный монополист (разг.). Нефтяные, газовые бароны... БОГАТЕЙ... (прост., неодобр.). То же, что богач. КОРОЛЬ... “4. перен. Крупный монополист в какой–н. отрасли промышленности, торговли. Нефтяной, автомобильный, газетный к..., МИЛЛИОНЩИК... (разг.)..., НУВОРИШ... (книжн., пренебр.)..., ТОЛСТОСУМ... (разг., обычно неодобр.)... (См. там же, с. 139–140).

Как видно из этих единичных иллюстраций (а на продемонстрированном принципе в РСС построена значительная часть лексико-семантических рядов – это типичные их структуры), анализ лексико-семантического ряда (в котором объединены слова однотипной семантики – вместе с тем с довольно четкой дифференциацией значений и смысловых оттенков, а также характеризующие слова, представляющие, благодаря их объединению, набор или даже гамму экспрессивных оттенков, эмоциональных, рациональных, социальных (социокультурных) оценок явления, события, лица, какого–либо учреждения, функционально–стилистических параметров соположенных лексических единиц), – этот анализ позволяет дифференцированное, точнее охарактеризовать отношение автора рассматриваемого текста к тому явлению, событию, лицу, учреждению, фирме, о которых идет речь в данном тексте, четче выделить и квалифицировать ту или иную (преимущественно негативную, инвективную или инвективизированную) экспрессивную окраску, эмоциональную и/или социальную (социокультурную) оценку объекта критики в изучаемом тексте, его фрагменте, фразе, словосочетании или отдельном слове, фразеологизме.

Словарь О.П. Ермаковой, Е.А. Земской и Р.И. Розиной “Слова, с которыми мы все встречались” выгодно отличается от лексикографических изданий, посвященных новым лексико–фразеологическим единицам, функционирующим в современной речевой коммуникации, особенно от тех, которые фиксируют жаргонную лексику и фразеологию, многоплановостью характеристик и квалификаций тех слов и устойчивых сочетаний, которые “пришли” из жаргонов и получили сравнительно широкое распространение в литературных текстах.

Авторы Словаря, наряду с семантизацией его единиц, раскрывают сложившиеся в устной ненормированной сфере речевой коммуникации способы и ситуации их употребления, уточняют системой помет и в комментариях детали социокультурной и функционально–речевой характеристики каждой единицы описания. Словарные статьи дают объемное дифференцированное представление о смысловом содержа-

нии и эмоционально-экспрессивном “оценочном” наполнении каждой словарной единицы, о социокультурной сфере и ситуациях их употребления в рамках городского просторечия и в литературных текстах.

Все это исключительно важно в ходе выяснения экспертом стилистической характеристики жаргонных слов и выражений, их экспрессивно-оценочной стороны в контексте рассматриваемых в рамках экспертизы журналистских публикаций.

Актуальность повышенного внимания к лексико-фразеологическим единицам жаргонного характера обусловлена тем обстоятельством, что этот пласт лексики и фразеологии, охотно используемый авторами журналистских материалов, характеризуется яркой, нестандартной, необычной и непривычно для литературной речи экспрессивной окраской, нетрадиционными дополнительными смысловыми и стилистическими оттенками (в том числе – и острыми, резко негативными, часто инвективными оценками), придающими высказыванию, тексту большую эмоциональность, “живость” в выражении мысли, отношения к происходящему, к конкретным лицам. Неслучайно в статье “От редактора” в этом Словаре подчеркивается: “Коннотации являются наиболее важной частью значения жаргонного слова – тем, ради чего оно создается и употребляется” (Сл. ЕЗР, с. V).

Данный Словарь предоставляет в распоряжение исследователя спорных текстов филологически выверенные, дифференцированные сведения, необходимые ему для более точной и четкой, научно обоснованной квалификации лексико-фразеологических единиц жаргонного характера, которые становятся предметом рассмотрения в судебной экспертизе и в информационном споре.

Таковы общие и в известной степени предварительные соображения на тему “Словари русского языка как один из инструментов анализа текстов СМИ при проведении лингвистических экспертиз”.

Литература

Винокур, 2000 – Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук, М., 2000.

Виноградов, 1966 – Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания//Вопросы языкознания, 1966, № 6.

Ахманова, 1958 – Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов//Сб. статей по языкознанию. Профессору Московского уни-

верситета академику Виктору Владимировичу Виноградову, Изд-во МГУ, 1958.

Цена слова, 2002 – Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации, Изд. 2, испр. и доп., М., 2002.

Теория..., 2002 – Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных процессах и информационных спорах. Материалы межрегионального научно-практического семинара, Москва, 7–8 декабря 2002, Часть 1, М., 2002.

Гиндин, 2000 – Гиндин С.И. От истории к тексту, от науки к искусству. Г.О. Винокур в раздумьях о предмете и статусе филологии//Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук, М., 2000.